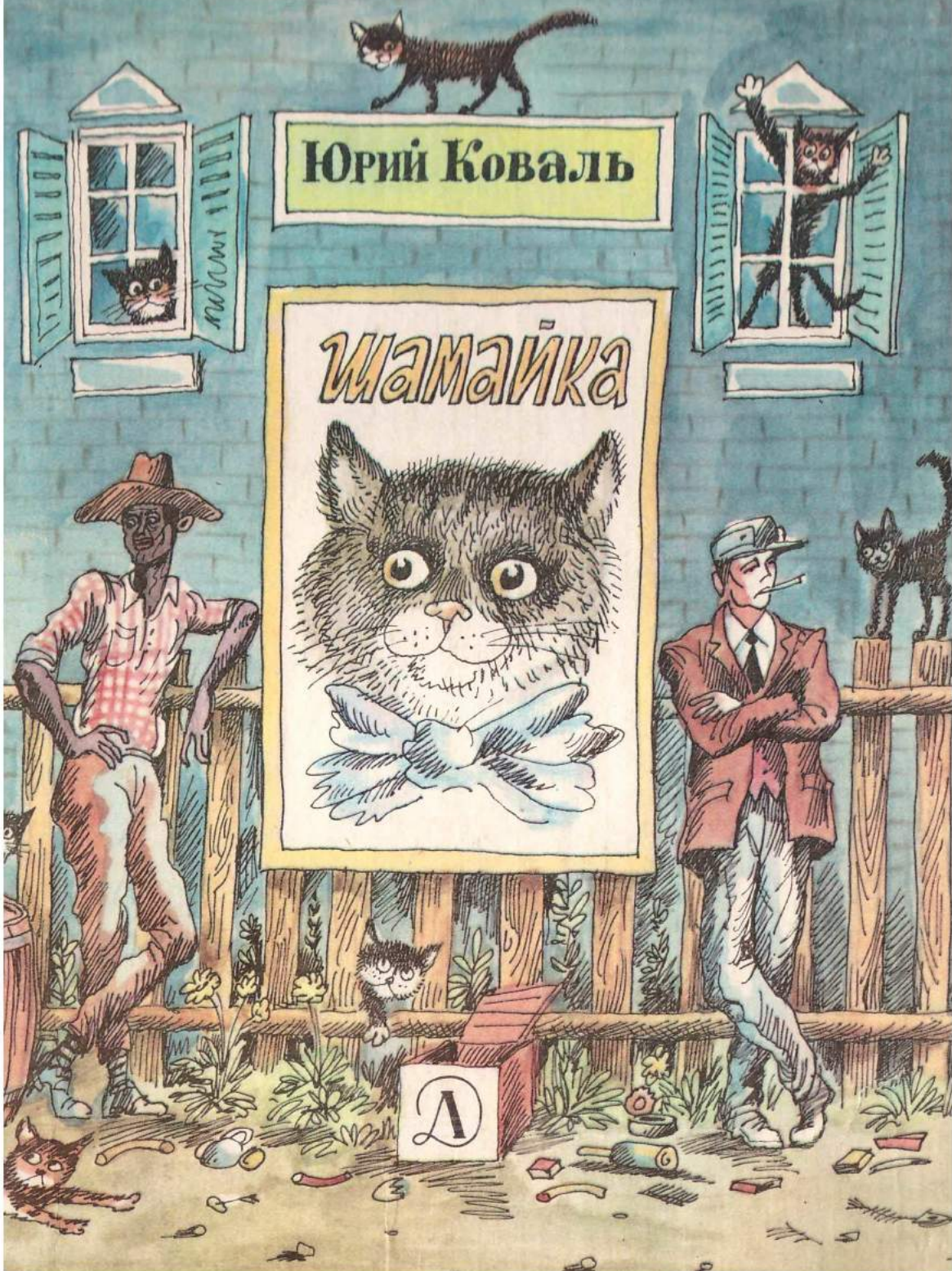
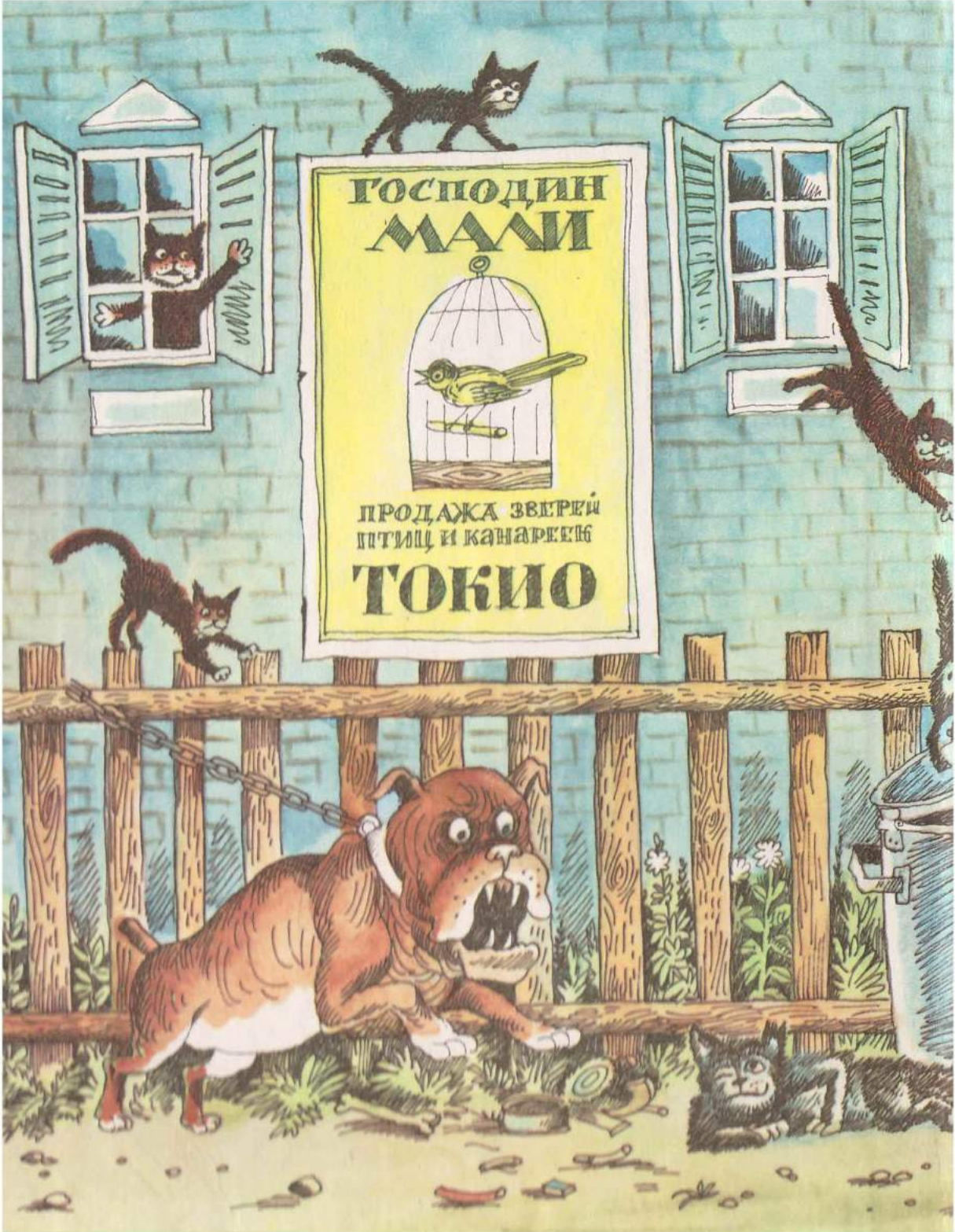

Юрий Коваль

шамайка

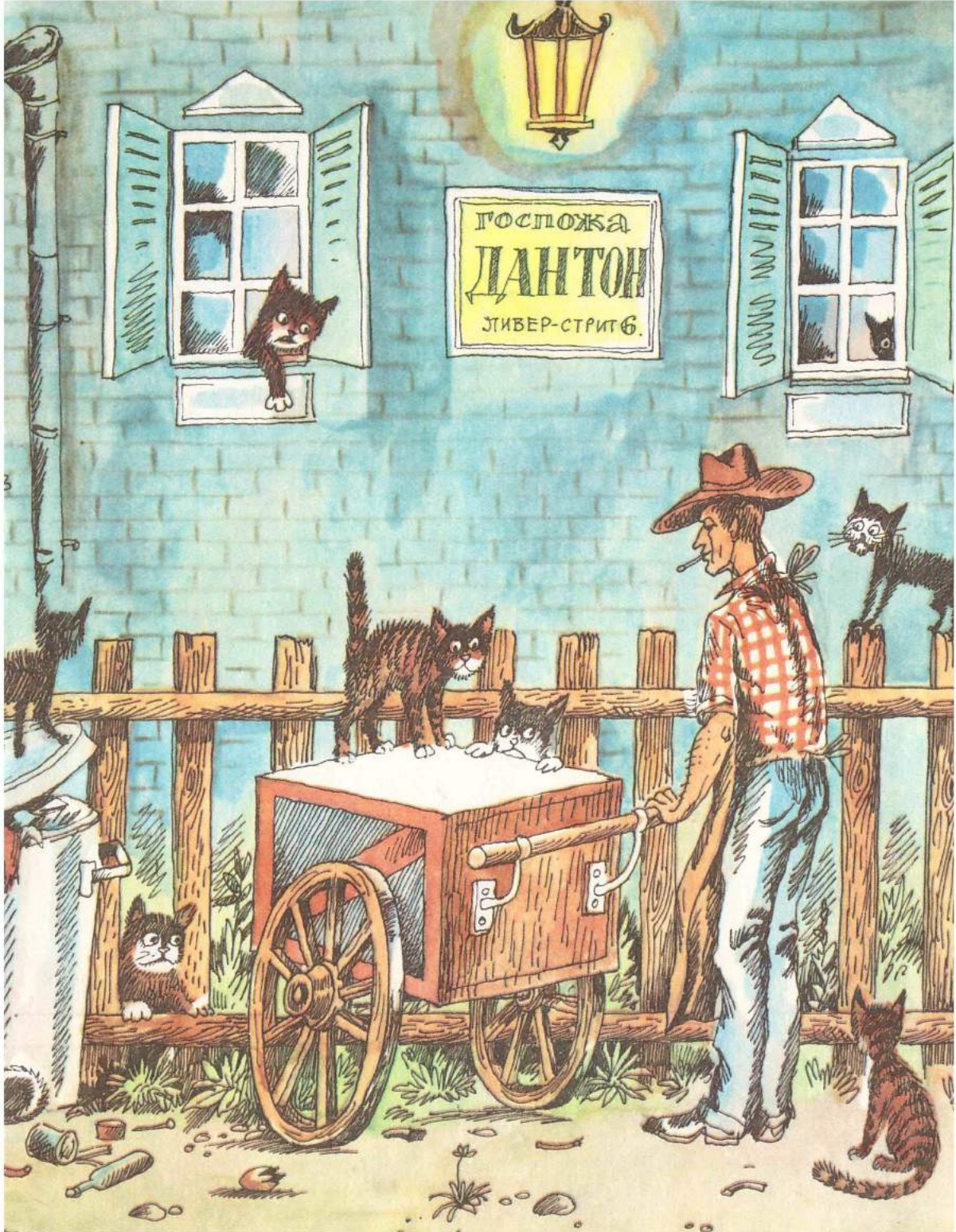

ГОСПОДИН
МАМИ

ПРОДАЖА ЗВЕРЕЙ
ПТИЦ И КАНАРЕЕК

ТОКИО

ГОСПОЖА
ДАНТОН
ЛИВЕР-СТРИТ 6.

Юрий Коваль

Шамайка

ПОВЕСТЬ

художник
Р.Варшамов

Москва «Детская литература» 1990

ББК 84Р7
К56

К 4803010201—056 217—89
М101(03)-90

ISBN 5—08—000943—8

© Юрий Коваль, 1990

© Художник Р. Варшамов, 1990

КРАСНАЯ КНИГА ЮРИЯ КОВАЛЯ

(Совершенно личное письмо читателю)

Перед вами, уважаемый читатель, новая повесть Юрия Ковалю — «Шамайка», в которой он рассказывает о трущобной кошке. И хотя история эта уже описана знаменитым канадским писателем Сетоном-Томпсоном в рассказе «Королевская аналостанка», Юрий Коваль создал совершенно новое произведение. Это бывает не так уж редко.

Например, когда-то давным-давно английский писатель Ю. Лофтинг написал книжку «Доктор Дулитл» — о докторе, который лечил животных; а потом великий Корней Иванович Чуковский написал эту историю заново, и теперь «Доктор Айболит» существует сам по себе, хотя и имена похожи: там Барбара — тут Варвара, там обезьянка Ки-Ки — тут Чи-Чи, но дело вовсе не в сходстве, а гораздо серьезней.

В пятидесятые годы в Московском ТЮЗе я со своими товарищами поставил спектакль по пьесе Вадима Коростылева «О чем рассказали волшебники», и это была еще одна, совершенно новая история доброго доктора. Чтобы сразу было все ясно, автор пьесы написал для пролога такую песенку:

В английской сказке я — Дулитл,
А в русской — Айболит,
Ведь вы не скажете — «болитл»,
А скажете — «болит»...

И сразу становилось ясно, что история будет совершенно новой, отличной на этот раз от сказки К. И. Чуковского.

Совсем недавно я обратился к писателю Юрию Ковалю с просьбой написать историю знаменитой королевской аналостанки для кино, и он написал эту новую повесть. У него история трущобной кошки стала совсем иной, потому что и жизнь сегодня совсем иная и у животных, и у людей.

Вы заметили, что собаки перестали гонять кошек, как это бывало раньше? Во всяком случае, теперь это происходит не так темпераментно, как в годы моего детства. Сегодня собака кинется за кошкой для приличия, кошка изогнет спину, пошипит, как оно полагается, почти формально, — и все, инцидент исчерпан. Я слышал, что одна лиса не так давно устроила себе логово на территории курятника и не только не трогала кур, а, наоборот, не хуже любой сторожевой собаки охраняла «своих» кур и цыплят от любых врагов. Человек распространяется — животным жить становится нелегко.

Но главное, наверно, все-таки в другом. Главное в том, что Юрий Коваль

так же, как и канадец Сетон-Томпсон, пишет о животных, но делает это совершенно по-своему. И если для Сетона-Томпсона очень важен сам факт, то для Юрия Ковалья факт — только начало, а дальше начинается самое главное. Там, где Коваль шутит, — он грустит; там, где грустит, — он любит; там, где любит, — он защищает. Он ни на кого не похож, он добр, прост и при этом удивителен. Он любит природу, животных и детей — это его мир, это то, что он защищает.

В его повестях и рассказах наша добрая и мудрая мать-природа охраняется, как в знаменитой Красной книге, но уже не столько законом, сколько любовью и искусством. И это, на мой взгляд, даже немножко лучше, потому что здесь природа и животный мир не только охраняются, но еще и сохраняются для людей.

Навечно сохранены маленький рыцарь свободы недопесок Наполеон Третий — герой повести Ю. Ковалья «Недопесок» и озорник медведь из рассказа «Лабаз», который хоть и, как говорится, «нечист на лапу», но это больше из озорства. И мыши, и птицы, и всякая другая живность, и картофельная собака — единственный экземпляр особой породы, выведенный самим писателем, которую можно было бы назвать «дворянча-хулиган, добрый». И деревья, и луга, и травы, и кленовый лист, который осенью «особенно молодец», и простое русское слово «яшень», даже сам лесной дух — воздух живет в книгах Юрия Ковалья, как какой-нибудь дух лесной.

Можно сказать, что Юрий Коваль создал свою Красную книгу, которая сохраняет природу, животных и детей как самую главную ценность жизни. Он певец доброты, естества и фантазии. Я, конечно, упрощаю. Хороший писатель никогда не укладывается в какие-то определения, тем более Юрий Коваль.

Но я твердо знаю одно: таких писателей мало, они очень редки. Их самих надо записывать в Красную книгу, а то совсем переведутся и исчезнут. Пора, пора создать такую книгу не только для животных и растений, но и для постоянных художников слова, кисти, сцены, экрана...

Пока вы будете читать «Шамайку» Юрия Ковалья, я буду снимать по этой повести свой новый фильм, только может случиться, что в переводе на экран получится еще одна, совершенно новая история.

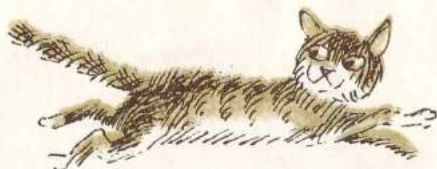
*Уважающий вас и откровенно любящий
писателя Юрия Ковалья
Ролан Быков*

*Господину
Эрнесту Сетону-Томпсону
и маэстро Ролану Быкову,
живущим в разном времени
и смысле, умудрился посвятить
автор эту повесть*

Про меня почему-то думают, что я должен защищать щенков.

А ведь и вправду щенки всегда так доверчиво виляют хвостом, что их хочется защитить. В среде щенков не бывает нечестных и злых. Такие случаются только между взрослых собак.

Иногда, конечно, из щенка защищенного вырастает надменное существо. Высокомерно поглядывает он на тебя из своей конуры, гремит цепью, показывает зубы. Но это уже, друзья, не наше дело. Мы его защитили, а он пусть соображает, как дальше жить.

Глава 1. Рваное ухо

Свирепый и кривозубый, какой-то разлапистый полубульдог рвался с цепи.

Он уже не то что лаял — это мягко сказано, — он выворачивался наизнанку, разевая свою рябую пасть. Цепь, натянутая до предела, перехватила полубульдожьё шею. Стоя на задних лапах, передними он бестолково молотил воздух, напоминая полубоксера — в человеческом смысле этого слова. В пяти сантиметрах от его носа лежал на земле огромный черный кот-пират по прозвищу Рваное Ухо.

Кот спал сладко и спокойно. Он давно рассчитал, точно вымерил длину и прочность цепи. Рев и сип полубульдога его убаюкивали. Он спал, прекрасно понимая, что убивает сразу двух зайцев, хотя и думал больше о кроликах. Во-первых, он был под охраной полубульдога и никто на него не мог напасть. Во-вторых, своим спокойным сном он мстил старому врагу за былые подлые поступки. Это большая редкость, чтоб кто-то кому-то мстил сном. Да, да, чтоб кто-то спал и этим сном кому-то мстил — такое на земном шаре встречается редко. В истории мщений такие случаи пока не отмечены.

Полубульдог совсем потерял голову и голос,

и если уместно сравнивать собак с чайниками, то это был уже выкипевший чайник, чайник, который выклокотался — простите за это непроизносимое слово, — чайник, который начинал плавиться на углях. Он — чайник — должен был вот-вот скончаться, глаза его выкатились из орбит, он посинел. Тут и послышался далекий голос:

— Маяяу! Маяяу!

Кот приоткрыл пиратский глаз, шевельнул рваным ухом, потянулся, просыпаясь.

— Мяюу! — доносилось издали, но это «мяю» кричал человеческий голос и добавлял к этому «мяю» еще один очень кошачий и вкусный звук: «со!». Получалось: «Мяю-со! Мяс-со! Мясо!»

Пират Рваное Ухо окончательно проснулся, выгнул спину, презрительно фыркнул в рожу полубульдогу, плюнул ему в правый глаз и побежал на крик:

— Мяусо! Мяусо!

Глава 2. Господин Ливер

— Мяяясо! — орал человек, измазанный сажей, орал и катил по закоулку тележку, из которой валил неопрятный и пахучий пар.

Кошки сиамские и сибирские, тигровые и черепаховые, кошки трактирщиков и бакалейщиков сбегались на его голос, выныривая из дворов и подворотен. Они бежали за тачкой, и, как только их собиралось достаточно, тачка останавливалась. Грязноватый господин доставал из тачки вертел, унизанный кусочками вареной печенки. Длинною двузубой вилкой он спихивал печенку с вертела, и кошка, схватив кусок, с урчаньем бросалась прочь, чтоб насладиться варевом в одиночестве.

Наглый рыжий кот вспрыгнул на тачку, но тут же получил вилкою по ушам и слетел на землю.

— Тебя и хозяин накормит, — ворчал на рыжего ливерщик. — У него на скотобойне печенки хватает.

Белая кошечка с розовым носиком потихоньку прорывалась к печенке, но ливерщик саданул ее сапогом.

— Хэлло! — крикнули ему из окна. — Хэлло, господин Ливер!

Рыхлая дама в заспанном халате недовольно взирала со второго этажа.

— Хэлло! В чем дело?

— За две недели не плочено, мадам Дантон,— поклонился ливерщик.— С вас двадцать центов.

— Хам! — возмущенно ответила она, бросила в окно монетку, которую господин Ливер ловко поймал шляпой, а мадам долго еще повторяла в глубинах полуспящего дома: — Подумайте, девочки, двадцать центов! За тухлую печенку!

А кошечка с розовым носиком, которую, кстати, звали Молли, всхлипывала в сторонке и наконец получила свой кусок.

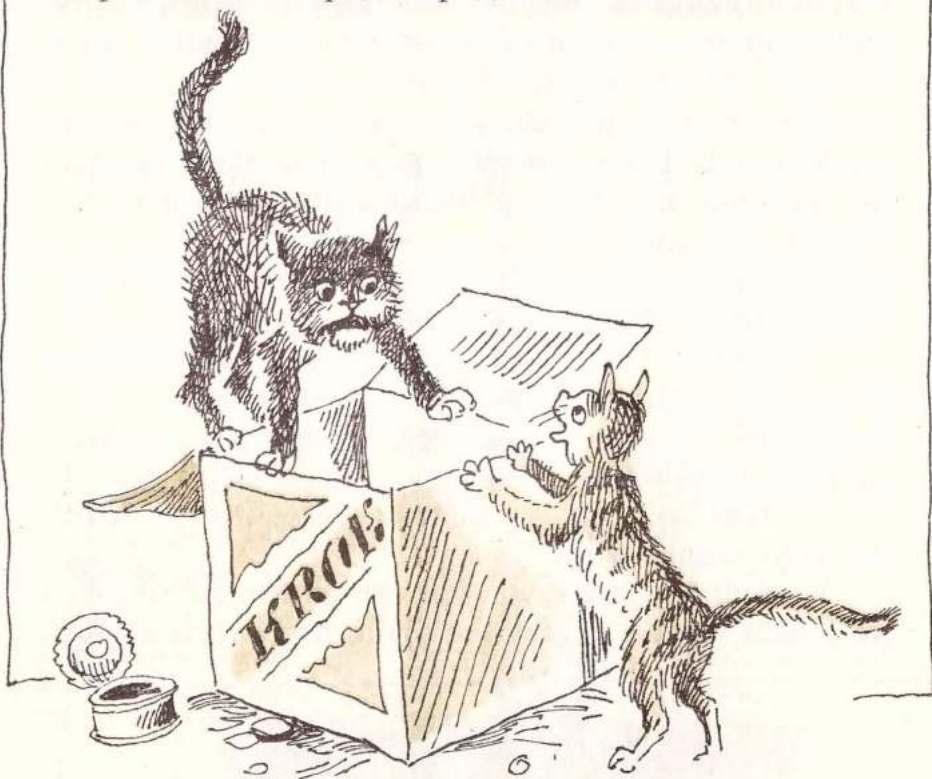
Обливаясь слезами, схватила она печенку, побежала к забору, и вдруг из какой-то дыры вырвался пират Рваное Ухо. Он вцепился ей в горло, и она выронила ржавый кусок, отбиваясь от бандита.

Тут из проулочка явилась серая и грязная ободранная кошка-трусобница. Она ловко подхватила чужую печенку, скользнула под калитку, перескочила через задний забор и остановилась. Быстро и жадно проглотила она неожиданную удачу и неторопливо, окольными путями отправилась к свалке, где на дне старого ящика из-под сухарей ее поджидали котят.

Послышалось жалобное мяуканье. Серая кошка рванулась к ящику и тут увидела черного пирата, который терзал ее котят. Ослепительный гнев вспыхнул в ее глазах, страшной сделалась серая кошка, и она бросилась на пирата. Кот Рваное Ухо, застигнутый на месте преступления, в ужасе рванул прочь.

Черный кот-пират Рваное Ухо, который поначалу показался нам симпатичным, был все-таки порядочный негодяй, и это явление еще встречается в среде бродячих котов.

Глава 3. Тайна имени

Уцелел один серый котенок с черными полосками на спинке, с белыми отметинами на носу, ушах и кончике хвоста. Целыми днями сидел он в ящике из-под сухарей, а серая мамаша шарила по мусорным кучам, разыскивая селедочные головки и картофельную шелуху. Все это она тащила в ящик из-под сухарей, который, надо сказать, был замаскирован очень хорошо. С одной стороны он был завален щебнем, с другой — зарос глухой крапивой, человеку пробраться сюда было трудно.

Иногда серая кошка бегала на пристань. Сюда приходили рыбацьи шаланды, здесь удавалось порой схватить рыбешку, которая вывалилась из ящика.

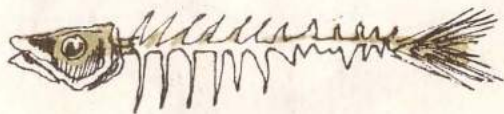
Как-то раз рыбаки, разгружавшие шаланду, заметили голодную трущобницу.

— Смотри-ка, Сэмми, — сказал один, — она, пожалуй, зарабатывает даже меньше нашего.

Старый грузчик Сэмми выбрал из ящика приличную рыбку.

— Кис-кис-кис! — сказал он. — Фрида, Фрида, иди сюда, Фрида!

Кошка остолбенела. Имени ей никто никогда не давал, у нее просто не было никакого имени.

Не было, и все-таки было. Оно взялось откуда-то с неба, и старый грузчик угадал его внезапно и неожиданно. Черт знает, откуда он его выкопал, из каких вытащил закоулков памяти?!

— Фрида! — позвал он и бросил ей весьма приличную рыбку.

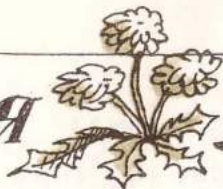
Кошка-мамаша была потрясена. Ее впервые в жизни назвали по имени, да еще подбросили цельную рыбку. Это был, наверно, самый счастливый день в ее жизни. Она схватила рыбку и побежала к ящику из-под сухарей.

Тут и объявился полубульдог, которого к вечеру хозяин спускал с цепи. С ревом кинулся он на Фриду, нашедшую свое имя и рыбку, вырвал рыбку и проглотил, и кошка, у которой осталось теперь только имя, побежала обратно на пристань. Полубульдог гнал ее до самой воды, и она вскочила на судно, то самое, с которого разгружали рыбу. Послышался стеклянный звук — это матросы ударили в рынду, медный корабельный колокол.

— Отваливай! — послышалась команда, и рыбацкая галоша отвалила от берега, и кошка Фрида отплыла в далекие края, увозя с собою тайну своего имени.

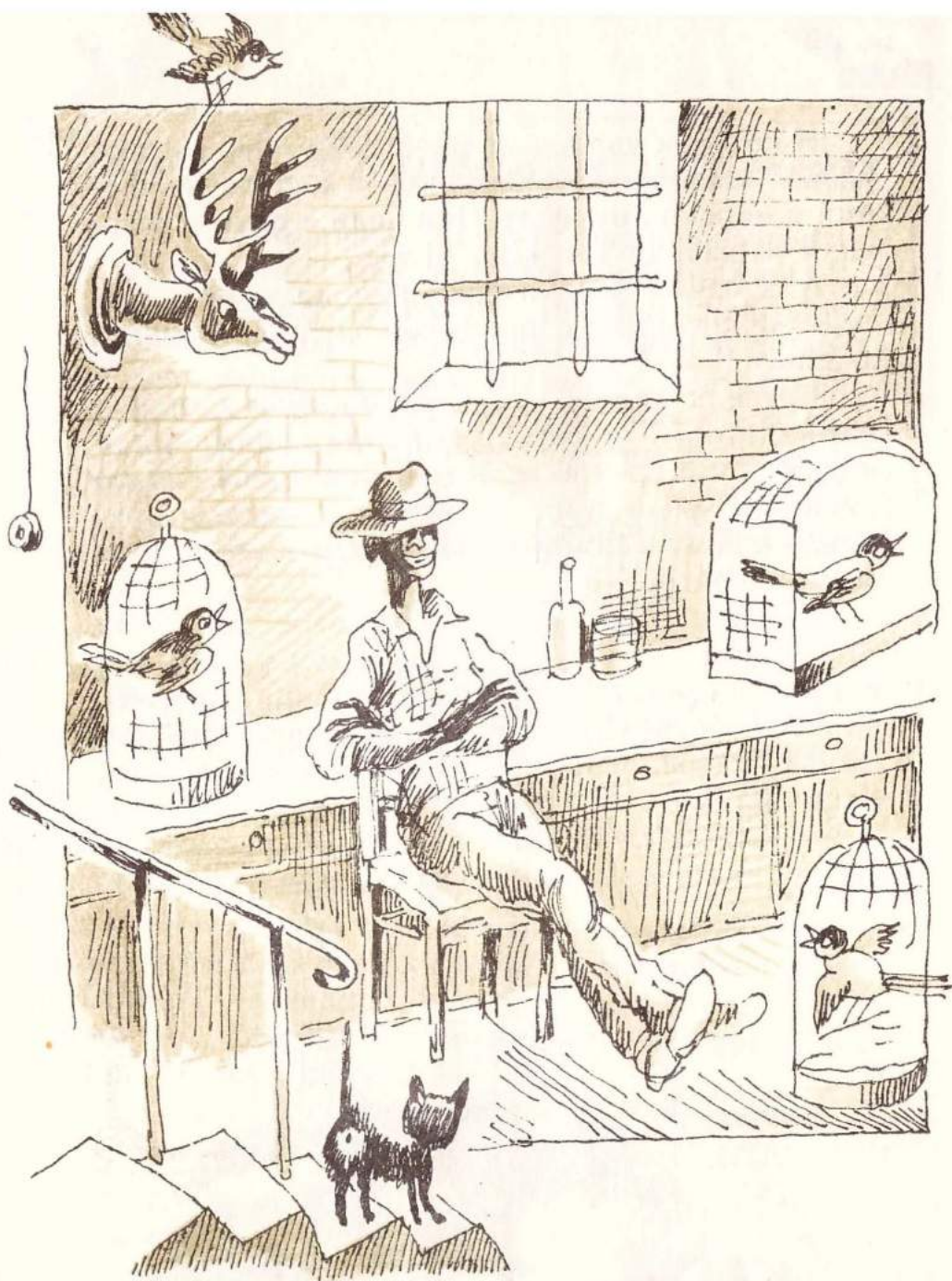
Глава 4. Рыжая дама

Не дождавшись матери, котенок вылез из ящика и стал рыскать по мусорным кучам. Он обнюхивал все, что казалось съедобным: рваные ботинки, колесо от телеги. Но все это было совершенно несъедобным, и в особенности почему-то колесо от телеги. Он пожевал подорожник и вдруг почувствовал запах, острый и едкий, который шел снизу. И он увидел ступеньки, ведущие в подвал, и ступил осторожно на эти ступеньки. Он услышал звуки — странные звуки, которые неслись из глубины земли, куда он спускался, и удивился, что из глубины земли могут доноситься такие звуки.

А это пели канарейки, потому что здесь, в подвале, была лавка продавца птиц японца Мали. И над входом в лавку висела вывеска:

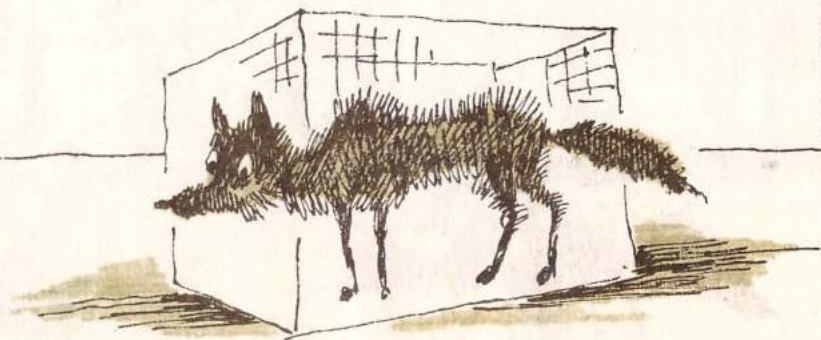

И котенок увидел множество клеток, а в них удавов и кроликов, обезьянок и канареек, нутрий и морских поросят. Они пели и пахли, фыркали и рычали изо всех углов.

А в одном углу сидел на ящике негр. Он заметил котенка и с интересом следил, что будет дальше.

Котенок миновал несколько клеток с кроликами, которые не обратили на него внимания, и подошел к широкой решетке, за которой сидела лисица. Рыжая дама с пушистым хвостом прикинула к полу в самом дальнем углу клетки. Глаза у нее загорелись.

Котенок принюхался к решетке, просунул голову в клетку и сам пролез следом и двинулся к миске с едой. И в тот же миг лисица кинулась на него, встряхнула, и тут бы кончилась кошачья судьба, если б в дело не вмешался негр. Выпучив губы, он вдруг пустил в морду лисицы такой смачный и точный плевок, что та выронила котенка и забилась в угол, мигая от страха.

Глава 5. Японские обычаи

Негр Джим любил жевать табак под названием «Читаного-Чуча», который и помогал ему в делах наплевательских. Да, Джим по характеру был такой человек. Он плевал на всех и на всё и в прямом и в переносном смысле. А так-то он был добряк. Он налил малышу молока в блюдце, и скоро котенок уже мурлыкал на коленях у негра.

Вокруг них чирикали канарейки, шуршали и хрустели в клетках кролики, тихо скулила оплеванная лиса, а они сидели и мурлыкали. Котенок мурлыкал своим кошачьим нутром, а негр — большим и грубым носом.

Тут звякнул колокольчик, и в лавку вошли сразу два господина. Один — в цилиндрической шляпе, другой — в клетчатом картузе. В цилиндрической шляпе был покупатель, а в картузе — хозяин лавки.

Господин японец Мали вовсе не был никаким японцем. Он просто-напросто нарочно так прищуривался, чтоб все думали, что он с острова Хокайдо. Господин Мали еще в детстве слышал, что японцам больше платят, с тех пор он и начал прищуриваться.

— Послушайте, господин Тоорстейн! —

воскликнул японец, сильно прищурившись. — Послушайте, в моей лавке имеется превосходная лиса! Отменный экземпляр! Для вас со скидкой!

— Лиса? — переспрашивал господин Тоорстейн, покачивая цилиндрической шляпой. — А на кой же пес мне лиса?

Тут японец сделал господину доверительные знаки и сказал почти шепотом:

— Лисы, дорогой сэр, лисы в клетках украшают нашу жизнь.

— Вы думаете? — усомнился господин Тоорстейн. — Первый раз слышу.

— Во всех высоких домах имеются лисы, — шептал японец. — И в прямом и в переносном смысле. Вы меня понимаете?

— Я-то вас понимаю, — сказал господин в цилиндре. — Понимаю в переносном смысле, а в прямом мне нужен кенар.

— И кенара возьмете, и кенара! Вот вы представьте себе. Наверху, в клетке, поет кенар, а внизу, в другой, — лиса. И вот лиса смотрит на кенара и облизывается, а он поет! Смех, и все! Самое смешное, что они оба в клетках! Понимаете? У нас, у японцев, это называется икебана!

— Да нет уж, — защищался господин Тоорстейн. — Японские обычаи я чту и уважаю, но с

лисой пока не будем торопиться, давайте кенара.

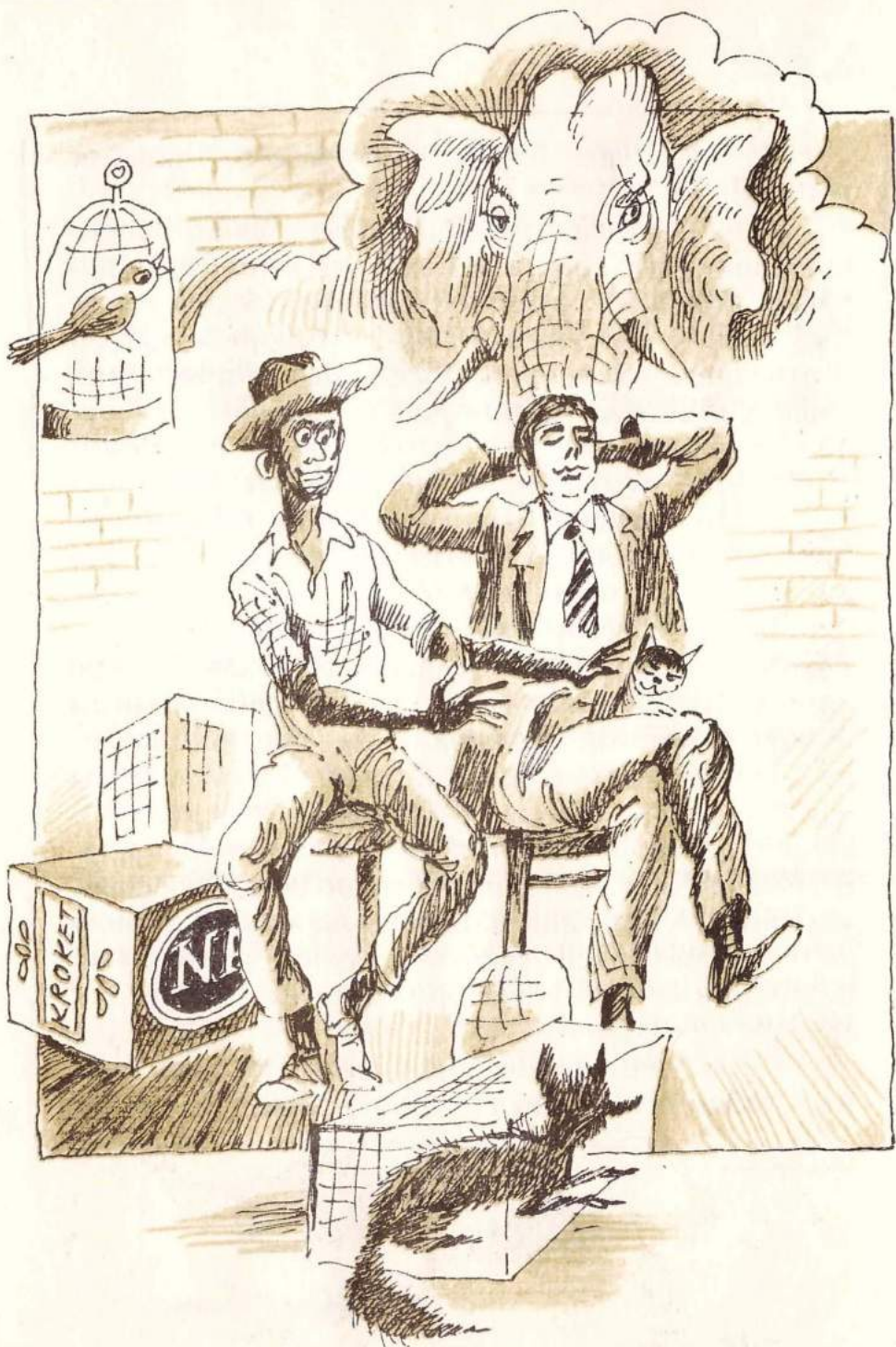
— О! — сказал японец. — Есть очень хороший поющий товар, но, поверьте мне, очень дорогой, привезен прямо с Канарских островов. Ему только скажешь: «тюр-люр-люр» — тут он и отвечает. — И японец Мали совсем прищурил глазки и сказал канареечным голосом: — Тюр-люр-люр-люр-люр.

И кенар немедленно дернулся, встал в позу и запел. Он действительно пел очень хорошо, заливался, и было видно, как ходит в его горле канареечная горошинка.

Господин Тоорстейн долго слушал кенара, потом они торговались, выбирали для кенара изумительной красоты клетку с цейлонскими колокольчиками, пробовали на вкус канареечное семя, причем японец кричал: «Отличное семя! Я могу хоть два кило сразу съесть!» — и жевал, жевал это семя, и глотал его с наслаждением нарочно, чтоб завлечь господина Тоорстейна в болото больших платежей, и завлек, и, когда господин расплатился и ушел с кенаром, японец снял кепку, вытер пот, сел на табурет и сказал:

— Фу, черт, устал как собака. Не знаю прямо, Джим, что делать с этой лисой? Никто не

хочет покупать. А надо бы продать ее поскорее: боюсь сдохнет.

— Не бойся, маса, — ответил негр, — это крепкая лиса. Она хочет есть, значит, не сдохнет. Только что чуть было котенка не сожрала.

— Какого котенка? — спросил японец и только сейчас заметил на коленях у негра мурлыкающее дитя трущоб. — Откуда он взялся?

— Сам пришел.

— Ну, если сам пришел, пускай у нас и живет. Доброму гостю у нас почет. — И японец погладил трущобного котенка.

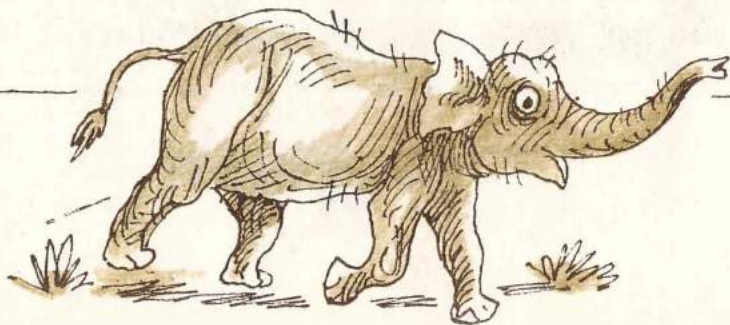
— Садись, маса, рядом, — сказал негр. — Давай будем сидеть и гладить котенка.

— Давай.

И так они сидели и гладили котенка, и японец говорил:

— Если дело хорошо пойдет, мы скоро разбогатеем. Я-то, Джим, мечтаю слонами торговать.

— Сосед наш, господин У-туулин, купил быка, — рассказывал негр. — Здоровый бык и очень бодучий. Роги — во! — И негр широко растопырил руки, показывая быка.

Глава 6. Холодная атмосфера

Тут снова звякнул колокольчик, и в лавку спустилась некоторая дама, высокая и мосластая, востроносая и грязноватая. Это и была подруга господина японца с тихим ликующим именем Лиззи.

— Продал лису? — сразу спросила она.

— Пока не удалось, голубушка Лиззи, — ответил японец, жмурясь. — Десять долларов давали, — врал он. — Но я стою на своем. Двадцать — и никаких скидок!

— Десять давали — и ты не продал? — изумилась Лиззи. — Ну и дурак, а еще японец! А это кого вы гладите?

— Мы гладим котенка, — ответил японец, и тут они с Джимом стали гладить особенно вдумчиво.

— Зачем нам трущобный котенок? — спросила Лиззи. — Какая в нем выгода? Пускай Джим бросит его на двор скобяного склада. Хватит и того, что лиса воняет на весь дом, не хватало еще блох трущобных!

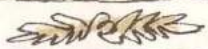
— Я не понимаю, Лиззи, — говорил японец в тот же вечер, укладываясь спать. — Я не

ХОЛОДНАЯ
АТМОС-
ФЕРА

ЖИРНАЯ
ПИЩА

**СТАРЫЙ
НАТУРАЛИСТ**

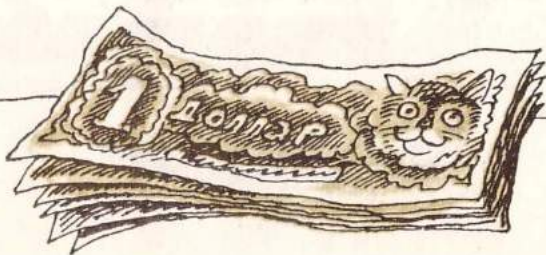

понимаю, как у тебя любовь ко мне сочетается с такой нелюбовью к животным.

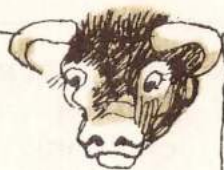
— Сочетается, и всё,— мрачно отвечала Лиззи, взбивая подушки.— Наверно, ты единственное животное, которое принимает мое сердце.

— Но ты глубоко не права, что выгнала этого котенка,— объяснял японец, разворачивая газету и натягивая на нос очки.— Вот смотри, что пишут в газете «Старый натуралист»: «Кошачий мех нынче снова в цене, и многие предприимчивые люди выращивают кошек на мех. Чтобы выращивать кошек на мех, необходимо соблюдать два условия: жирная пища и холодная атмосфера». Надо было нам оставить этого котенка и вырастить его на мех.

— Жирной пищи нам самим не хватает,— ворчала Лиззи, кутаясь в одеяло,— а холодную атмосферу я могу тебе устроить прямо сейчас.— И тут она принялась сталкивать японца с кровати.— Иди, иди,— толкалась она.— Иди на холодную атмосферу.

Глава 7. Брэдбери

Ничего противнее, чем бросить котенка во двор скобяного склада, дурацкая Лиззи придумать не могла.

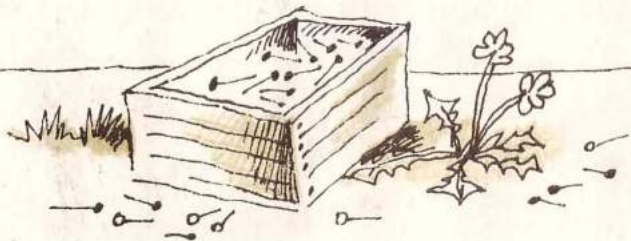
Но что было делать Джиму?

Оставить котенка у себя он не мог, потому что у него просто не было этого «у себя». Он жил в подвале и служил, как мог, господину Мали, а спал неподалеку от лисы, прямо на полу, на матрасе, набитом соломой.

Котенок Джиму явно понравился, и он как следует накормил малыша и даже дал бы ему еще продуктов про запас, да не было у котенка сумок и рюкзаков, чтоб он смог унести запасы с собою.

Сунув котенка за пазуху, Джим отнес его как можно дальше от скобяного склада и отпустил на свободу. Сокрушаясь, что у котят нет никаких сумок для продуктов, Джим отправился в лавку, а котенок развернулся, прошелся, прогулялся и попал все-таки как раз во двор скобяного склада.

Хозяин скобяного склада, по имени У-туу-

лин, кроме огромного количества одинаковых букв в своем имени, имел немало ящиков со скобами, замками, крюками и гвоздодерами. Ящики эти лежали во дворе, их-то и охранял неприятный полубульдог Польш. Да, его звали Польш, и совершенно непонятно, какая извилина шевельнулась в мозгу почтенного У-туулина, когда он давал эдакой образине столь достойное имя. Впрочем, У-туулин имел еще и рыжего злобного кота по имени Христофор.

А совсем недавно господин У-туулин купил быка. Зачем он купил быка — мало кому известно, но сам У-туулин рассуждал, что бык — это целый курган ростбифов и холм котлет. И еще он рассчитывал иметь от быка могучий приплод.

Быка господин У-туулин назвал Брэдбери, и тут, мы считаем, шевельнулась самая плодотворная извилина почтенного скобаря. На этот раз он попал в точку. Имя подходило быку.

Вот в какую компанию попал котенок, когда прополз под забором во двор скобяного склада. А во дворе росли одуванчики, и котенку это понравилось. Он стал разгуливать среди одуванчиков, нюхать их и всячески наслаждаться жизнью. Он здорово наелся в лавке японца, животик у него вздулся, и котенок с удовольствием тащил свой животик по одуванчикам.

Тут и объявился рыжий Христофор, сокращенно Крис.

— Это кто тут давит мои одуванчики?! — закричал он и навалился на объевшегося котенка с оплеухами.

Крис шипел и фыркал, и перепуганный котенок кинулся в сторону. Полубульдог взревел, загремел цепью, разинул кривозубую пасть, и котенок кинулся под ноги быку. Тут и должны были его немедленно затоптать, и бык Брэдбери уже поднял страшное копыто, но опускать его пока не стал.

«Я вижу, что его все гонят и клянут, — рассуждал бык. — Зачем мне ввязываться в это зверское дело?»

И бык спокойно опустил копыто на траву, и котенок улегся в бычьей тени.

А когда рыжий Крис с приятелем своим полубульдогом хотели сунуться туда же, в бычью тень, Брэдбери взревел, наклонил страшную курчаво-гладкую, каменистую башку и направил рога на Криса с приятелем.

Это был первый случай в истории мирового натурализма, когда крупный рогатый скот защитил представителя семейства кошачьих.

Глава 8. Воробьи и тигры

А котенок плыл по течению ветра.

Он подставлял под ветер нос, выбирал какое-то его течение и плыл по этому течению, которое приводило его, как правило, к очередной помойке.

Целыми днями шарил он по закоулкам, наслаждаясь отбросами, а воду пил из бочки, что стояла под водосточной трубой. Он пил из бочки, помаленьку подрастая.

Однажды возле бочки он заприметил воробьев. Воробьи налетели стайкой, попили из бочки и принялись купаться возле бочки в пыли, хотя этим трущобным птишкам недурно было бы искупаться и в самой бочке.

Котенок припал к земле и пополз к воробьям. Он таился за подорожниками, и только хвост его, как полосатый цветок, выглядывал из травы. Он полз к воробьям, понимая, что он невидим, но на самом деле это он сам не видел ничего, а его видели двое: негр Джим и японец Мали. Они сидели на лавочке за бочкой и наблюдали за его охотничьими наклонностями.

— Помнишь этого котенка, маса? — спросил негр. — Это тот самый, которого чуть лиса не сожрала.

— Красивая масть, — подтвердил японец. — Я его еще хотел на мех выращивать. А это кто?

Воробьи купались в пыли, котенок подкрадывался к ним, а с другой стороны торчал из травы другой кошачий хвост-цветок. Это полз к воробьям черный пират Рваное Ухо.

Коты прыгнули на воробьев одновременно, воробьи прыгнули в воздух, но котенок все-таки вцепился в воробья. Но это ему только казалось, что он вцепился в воробья. На самом деле он вцепился в морду пирату.

Кот Рваное Ухо от неожиданности пришел в ужас, и слезы брызнули у него из глаз. И он уже хотел задать стрекача, умчаться вскачь, унести стремглав, ему показалось, что воробей превратился в тигра. Но тут же он проморгался и понял, что с тигром он мысленно поторопился. Шерсть у него встала дыбом, он взревел, поднял в воздух страшную лапу, чтоб пришибить котенка на месте, но тут послышался протяжный пронзительный звук — это негр готовился плюнуть. И плюнул-таки на десять шагов — и попал точно в морду пирату. Сила плевка была такова, что кот повалился на бок. И тут уж он подскочил и задал все-таки стрекача, умчался вскачь, унесся стремглав.

Японец и негр хохотали, хлопая друг друга по коленям.

И тут следует отметить, что мысль о тигре пришла в голову не только коту-пирату.

— Прямо тигренок, — сказал японец.

— Нет, — заметил негр. — Это скорее серый барс с голубыми глазами.

— Поймай-ка его, Джим.

И негр протянул в воздух пустую руку и сказал:

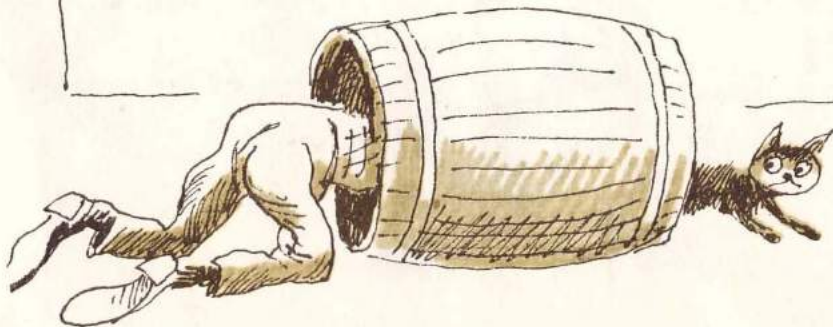
— Кис-кис-кис.

Трущобный котенок не понял, что такое «кис-кис-кис», он попятился к забору, а негр пошел за ним, протягивая руку, в которой ничего не было, кроме сложенных пальцев.

Котенок повернулся к нему хвостом и нырнул в дырку, негр перескочил забор, котенок — в другую дырку.

Негр перескочил и через этот забор и увидел быка.

Бык Брэдбери наклонил свою страшную башку и угрожающе замычал на негра. У ног быка прятался в тени котенок — серый барс с голубыми глазами.

Глава 9. Первое попавшееся под руку

Кот-пират Рваное Ухо был глубоко оскорблен негрским плевком. Конечно, его гнали, в него кидали камнями и косточками олив, его обливали помоями, но вот так прямо плюнуть ему в морду — этого в его жизни еще не было. Кот долго оттирался и отмывался и затаил на котенка глубокую ненависть.

А серый барс увлекся бидонами с молоком. Бидоны с молоком — вот была его новая страсть. Каждое утро молочник развозил по закоулками эти бидоны и ставил их на крыльцо. Хозяева обычно еще спали, дрыхли плотным трущобным сном, а вокруг бидонов ходили хозяйские кошки, слизывали капли, вздыхали на крыльце, потому что добраться до молока никак не могли.

Котенок однажды изловчился. Он вспрыгнул на бидон, вокруг которого бродила белая с розовым носиком кошечка Молли. А крышка у этого бидона была закрыта неплотно, кое-как закрыта была крышечка. Котенок подsunул под нее нос и усы и под крики обиженной Молли стал напиваться всласть.

Тут проснулась мадам Дантон, вся в белых розах на голове, и выглянула в окно. Она увидела, как пьет котенок из-под крышечки ее молоко, и до того сильно вздрогнула, что розы посыпались с ее ночной головы. Грозное ворчанье послышалось из-под роз, и мадам гаркнула, как львица:

— Бррррысь!!!

Кошечка Молли бросилась бежать, а котенок этого всего не услышал, потому что уши его находились под крышкой.

И тут мадам Дантон схватила первое попавшееся, что ей попало под руку, и бросила этим первым попавшимся прямо в котенка.

Первое попавшееся под руку летело, трепеща и махая белыми крыльями, и тут многие могут подумать, что это была курица. Но согласитесь, откуда у мадам Дантон могла быть под рукой новехонькая курица? Да и кто станет бросаться курицей в кошку?

Короче, первое попавшееся под руку ударило котенка по хвосту. Он в ужасе спрыгнул с бидона и умчался, а первое попавшееся улеглось на мостовую и успокоилось. Отметим, что это была книжка «Недопесок», которой мадам Дантон наслаждалась на ночь.

Глава 10. Грудь пирата

Котенок мчался по переулку вскачь. Тут и подстерегло его некоторое Рваное Ухо. Пират давно дожидался своей минуты, наблюдая сцену у бидона.

Разбойник выскочил из подворотни и подставил свою грудь под бег котенка. И котенок ударился со всего маху об эту грубую грудь. Злые языки, кстати, говорили, что у кота на груди под шерстью имеется бандитская татуировка с якорем и русалкой.

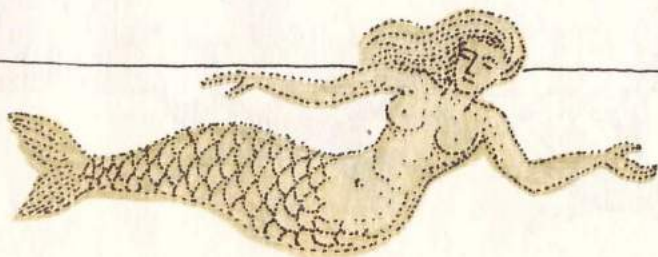
Котенок ударился в эту грудь, как в запертые ворота.

Пират Рваное Ухо оскорбительно зашипел и молвил:

— Ну вот, голубчик, теперь-то уж ты попался! Теперь я буду делать из тебя котлету, теперь я разорву твою серую...

Котенок сидел на булыжнике, выслушивая все это. Спокойно взирал он на черного кота, равнодушно прослушивал дикие угрозы и даже чуть-чуть зевнул, смахивая лапою с усов остатки мадам дантонского молока.

«Ну так в чем дело? Я слушаю вас, сэр», — как бы спрашивал кот.

— А помнишь, как мне в морду наплевали?! — вскричал пират.

— Вам наплевали в морду? — удивился котенок. — Когда? Такой достойный кот — и вдруг в морду? Я бы не хотела слышать об этом.

«Как же так? В чем дело? — мучительно раздумывал в этот миг черный пират. — Почему я стою тут и разглагольствую, вместо того чтоб немедленно растерзать эту тварь? Тварь?.. Гм... Кажется, это слово неуместно...»

— Ну ладно, мне недосуг, я пошла, — сказал котенок, неожиданно и бесповоротно переходя из мужского рода в женский. — Я пошла...

И тут что-то гулко стукнуло в пиратскую грудь черного кота.

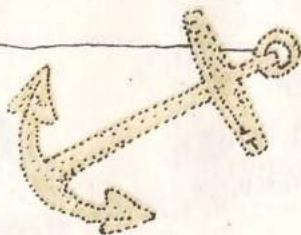
— Постойте, — заикаясь, сказал он. — Куда же вы? Забудем про плевки, но вы меня не поняли...

Но кажется, он и сам себя не понял, как не понял никто в трущобах, что никудышный котенок превратился в необыкновенной красоты и достоинств кошку.

Пират потерянно глядел ей вслед.

«Боже, какая поступь! — крутилось в его мозгу. — Королева! Ну как же я, дурак...»

Пират Рваное Ухо был отъявленный негодяй, но на дне его души оставалось еще что-то человеческое.

Глава 11. Свобода действий

Наставала зима.

Холодного воздуха становилось больше, а теплого все меньше.

— Холодный воздух, друзья, — рассуждал японец, — полезен только кошкам, которых выращивают на мех.

— Неграм он вреден, — соглашался Джим, потому что негры происходят из теплых стран. Негров привезли сюда как рабов.

— Ты скажи лучше, куда девал кролика? — ворчала Лиззи. — Неужели сожрал?

— Зачем негру кролик? Один маленький кролик не согреет большого негра, кролик сам сбежал и теперь замерзает где-то. Но кролику все-таки теплее, чем негру, потому что у него есть шерсть, а у негра только черный цвет, который не согревает, мэм, ой не согревает!

Они сидели у маленькой железной печки, которую Джим топил осколками ящиков. На печке, в железной банке, вскипало какое-то варево. Из этого варева валил тягучий пар.

— Вонницу развел, — сердилась Лиззи. — Что ты там варишь?

— Это жир гремучих змей, мэм. Я всегда мажусь им в морозы.

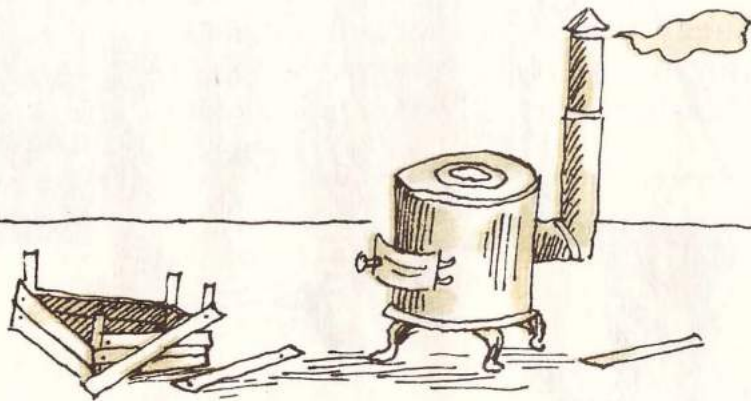
Так они сидели у железной печки и пререкались по-зимнему, а из клеток и загончиков смотрели на них канарейки и кролики, и, свернувшись в клубок, мигала красным глазом некогда оплеванная лиса.

Тут звякнул звонок, и в чудовищной меховой шапке, составленной из волка и собаки, вошел господин Тоорстейн.

— Полгода прожил и издох, — ворчал господин Тоорстейн, особо не приветствуя хозяев. — Пел полгода, а после издох.

— Полгода — это замечательно! — вскричал японец. — А что же вы хотите на полдоллара? Это всем известно: полдоллара — полгода, доллар — год, полтора — полтора! Таков закон канареечного пения! Но вот смотрите — вот грандиозный кенар! Это уж двухдолларовый певец. Он будет петь у вас два года, а добавите доллар — и все три!

Но господин Тоорстейн никак не соглашался. Он требовал, чтоб ему на старые полдоллара дали нового певца.

— На старые полдоллара? — воскликнул японец. — Они давно ушли в прошлое! Ну какой может быть из них певец? Чепуха! Очень уж маленький будет певец, какой-нибудь французский шансонье, не больше! Ну ладно, берите зяблика.

— То лису, то зяблика! Я — любитель канареечного пения. Ладно, дам доллар за грандиозного певца.

— Как хотите, сэр, — равнодушно, прикрывая глазки, ответил японец. — Тогда он будет петь всего год и скончается. Скончается от огорчения, что за него дали полцены.

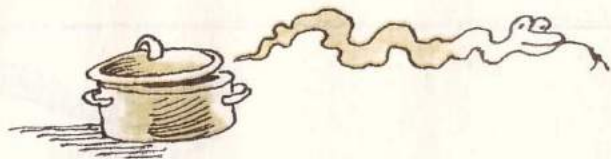
— Ах, дорогой господин! — вмешалась Лиззи. — Я всегда наслаждаюсь пением этого кенара. Не отдавай кенара, японец, а то мне станет тоскливо.

Тут господин Тоорстейн как будто впервые заметил Лиззи. Он подскочил к ней, шаркнул ножкой и сказал:

— Ах, мадам, во сколько вы цените певца?

— Три доллара! — твердо сказала мадам Лиззи.

— При условии, при условии, — галантно трещал господин, — что вы лично будете иногда заходить, чтобы послушать грандиозного певца.

Я люблю, когда красоту птичьего пения со мной разделяет настоящий любитель и знаток.

— По утрам заходить или по вечерам? — кокетливо смеялась Лиззи.

— Ах-ах! — смеялся господин Тоорстейн. — В любое время года.

Господин Тоорстейн расплатился, сунул кенара под меховую шапку и вышел на мороз.

— Я уговорю этого мехового болвана купить у нас лису, — сказала Лиззи. — Мне только нужна свобода действий. Слышишь, японец? Дай мне свободу.

Японец поморщился, понюхал варево, которое вскипало на печке, и сказал:

— Бери!

Глава 12. Шамайка

Джим бродил по свалкам и помойкам, собирал обломки деревянных ящиков да и сваливал их на тележку. Голубой бесснежный мороз покрывал инеем заборы и подворотни.

На задах скобяного склада Джим заметил у стены сарая неровно приколоченную доску и затеял ее оторвать на дрова. Приотдрал немного, заглянул в щелочку и вначале увидел только пар, густой и морозный, который валил откуда-то снизу, а из пара раздавался заунывный нечеловеческий храп.

Бык Брэдбери спал и храпел и выпускал из ноздрей облако рыжего пара, и в этом бычьем пару, в теплом и живом дыханье грелась трущобная кошка, которую пират Рваное Ухо принял за королеву.

И бык и кошка спали, во сне королева мурлыкала, и это мурлыканье сливалось с бычьим храпом и превращалось в особое двойное пение — теплое ржавое пение в голубом морозном сарае.

Добродушный Брэдбери иногда прерывал храп, открывал лениво кровавый глаз, взглядывал на свою подругу, ласково говорил: «У!» — и снова закрывал кровавый свой глаз.

Джим-негр у щелочки окоченел, а все смотрел и смотрел на теплое дыхание, если можно смотреть на теплое дыхание, смотреть на мурлыканье и храп. Не очень чистая, но все-таки прозрачная слеза катилась отчего-то с негритянских век, и почему она объявилась, сказать трудно, потому что мы не можем так глубоко проникнуть в глубины этого негра, мы скользим по поверхности. Но на поверхности этой мы видим, что негр Джим не был ни кошкой, ни быком, но каким-то странным образом он был и кошкою, и быком в этот момент, и, когда он отошел от щелочки, он по-бычьи наклонял голову и мурлыкал котенком.

— Я все понял, — торжественно и печально сказал Джим, спускаясь в подвал. — Я все понял.

— Что ты понял? — крикнула всклокоченная Лиззи, вылезая из спальни в розовом халате, неприлично замусоленном. — Что ты понял, черноносый? Где дрова?

— Мэм! — сказал негр. — Это — Шамайка!

— Где Шамайка? — сказал и японец. — Откуда? Где?

— Там, у быка!

И негр Джим наклонил голову, показывая

быка, и замурлыкал сладостно, изображая кошку.

И долго еще японец и Лиззи топтались возле негра, который пил настой из жира гремучих змей, и допытывались, кто такая Шамайка, и он уверял, что это богиня крупного рогатого скота, к каковому рогатому скоту и он, негр Джим, себя причисляет.

— Доставишь мне Шамайку! — вскричал японец. — Получишь полдоллара!

— Ой, маса! Что ты, маса! Меня покарают боги! Меня повесят вверх ногами и перекрасят мою кожу в белый цвет! Нельзя!

— А за доллар? — спросил японец.

— За доллар? — подумал негр, перестав бодаться и мурлыкать. — За доллар пускай перекрашивают.

Глава 13. Сердечный друг

Мне хочется здесь напомнить вам о черном коте Рваное Ухо. Мы тогда еще сговаривались, что на дне его души осталось что-то человеческое. Так вот это человеческое, действительно, на дне осталось.

Кот впал в задумчивость. «Ну в чем же смысл жизни?» — думал порою пират.

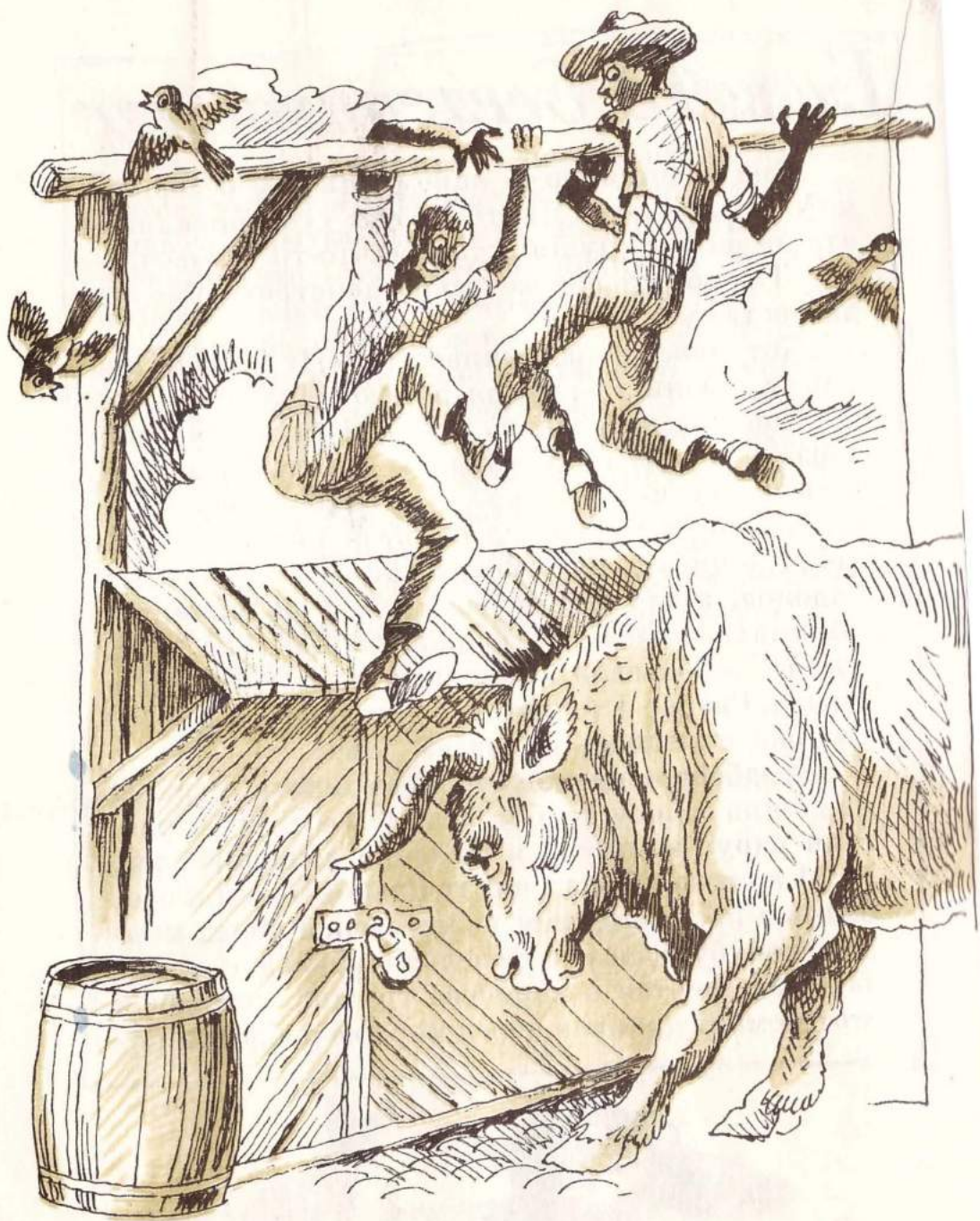
Конечно же, лакать разбавленную сметану, терзать нервы полубульдога, давить крыс. Но есть и еще что-то такое, да только какое оно?

Кот не раз встречал ее, названную Шамайкой, где-нибудь на помойке или возле молочных бидонов, и тут ему казалось, что он начинает понимать смысл. Но кошка, заметив кота, тут же ускользала, и вместе с нею ускользал и смысл. Рваное Ухо пытался догнать ее, и всякий раз она пряталась в бычьем сарае.

Брэдбери ненавидел черного пирата. Угрюмо наклоняя голову, он бил копытом в стену сарая, если вдруг возникал в щелочке кошачий глаз.

И в страхе бежал пират Рваное Ухо и с особенным наслаждением укладывался перед мордью полубульдога, и ревел полубульдог, а кот засыпал, мечтая о королеве трущоб, которая в этот момент дремала перед мордью добродушно-

го Брэдбери. Да, так и спали они перед разными мордами, из которых одна рычала, а другая исторгала пар. Кошка и бык порой имели между собой длинные беседы. Свернувшись в клубок, Шамайка мурлыкала:

— Мне этот котяра надоел, бродит всюду за мной, пристаёт...

— Да ты не волнуйся,— урчал бык.— Рас-
топчу в случае чего...

— А ты-то где вчера пропадал?

— Да господин У-туулин водил меня про-
давать. Надоел я ему. Сена, говорит, на меня
не напасешься. Да ты не волнуйся, кто меня
купит? Меня все боятся, я ведь и вправду могу
забодать. Господин-то У-туулин за веревку меня
тянул-тянул, а с места стянуть не может. По-
звал двух негров, а я их разбросал да загнал на
крышу. Сидят там и от страха икают. Тут госпо-
дин стал меня кнутом стегать.

— Милый ты мой, милый,— мурлыкала
Шамайка.— Бедный, кнутом его стегают.

— Да мне не больно,— успокаивал ее Брэд-
бери,— смешно, как негры на крыше икают.

Глава 14. Убитая кобра

Настал месяц март, а этот месяц во всем мире издавна считается месяцем взбесившихся котов.

Настал март, и коты взбесились. Днем они были на помойках, а ночами царапали когтями жестяные крыши.

В такую-то ночь Шамайка грелась на крыше возле трубы, прищуривалась на луну, как вдруг заметила черную пиратскую тень. Кот Рваное Ухо направлялся прямо к ней. Королева насторожилась, внутренне собралась, но тут перед Рваным Ухом возник на трубе тот самый Крис, которого удлиненно называли Христофор.

Рваное Ухо остановился и зарычал на луну. Рычанье его достигло луны в две секунды и тут же вернулось обратно на крышу и свалилось прямо на Криса. Крис вздрогнул и запустил в луну длинный угрожающий тоненький рев. Отразившись от луны, тоненький рев оцарапал кожу пирата. Некоторое время коты общались обращаясь в основном к луне; наконец пират оторвался от светила.

— Посмотррри на мой хвост, Крис, ничтожный! Он сейчас превратится в змею! В гадюку! Стрррашись!

И тут хвост пирата действительно обратился в гадюку, которая свивалась и развивалась, собиралась в пружину, угрожая ужалить.

— А у меня хвост — кобра! — бахвалился Крис. — Рыжая коббра!

И хвост его обратился в кобру, и даже помпон-капюшончик раздувался, переполненный ядом. Под черной и рыжей шерстью, по ребрам и хребтам котов волнами перекачивались мышцы и рябью дробились мускулы.

— Я-я-а-а! — взревел пират. — Я-я-а-а с нею встречался! Я-я-а-а!

— Моя-а-а-у! Моя-а-а-у! У нашего она живет быка.

— Врррешь! — взревел пират, нервы его разом лопнули, как струны у гитары, и он ринулся на абордаж.

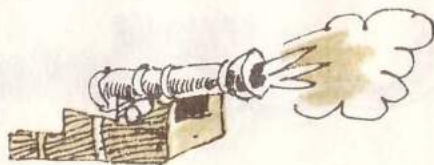
И черный пиратский бриг столкнулся с рыжею каравеллой друга Колумба. Разом обрушились все мачты, треснули борта, взорвались пороховые бочки. Коты-корабли превратились в клубок змей, глаз, когтей и предсмертных воплей. Клубок прокатился по крыше, сшибая трубы, и Шамайка лениво рассуждала, когда же он свалится на землю; и он свалился, и в воздухе, в полете, продолжалась битва и вой, царапанье и бесстыдное рукоприкладство.

Потом как-то разом все стихло.

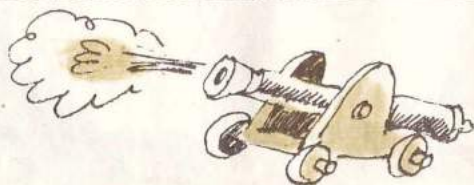
Шамайка подошла к краю крыши, заглянула вниз. Рыжий Крис уползал в сторону скобяного склада, волоча за собою убитую кобру, а черного пирата не было пока видно. И тут кто-то тронул ее за плечо.

— Моя-а-а-у! — сказал пират.

Шамайка легко прыгнула в сторону, пробежала по карнизу, прыгнула на другую крышу, и кот долго бежал за нею, до самого бычьего сарая, и остановился, только когда грохнуло в стену копыто Брэдбери.

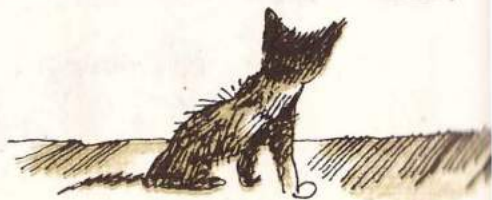

Глава 15. Коричневая баржа

В марте вместе с котами взбесился отчего-то и господин У-туулин. Целыми днями он стегал и проклинал быка, пинал сапогом полубульдога, бросался скобяными изделиями в рыжего Криса. Но особенно гневен был он к Брэдбери, которого никак не мог продать.

Но однажды пять здоровенных негров пришли все-таки в бычий сарай. Они схватили быка за кольцо в носу и потащили его куда-то по переулкам.

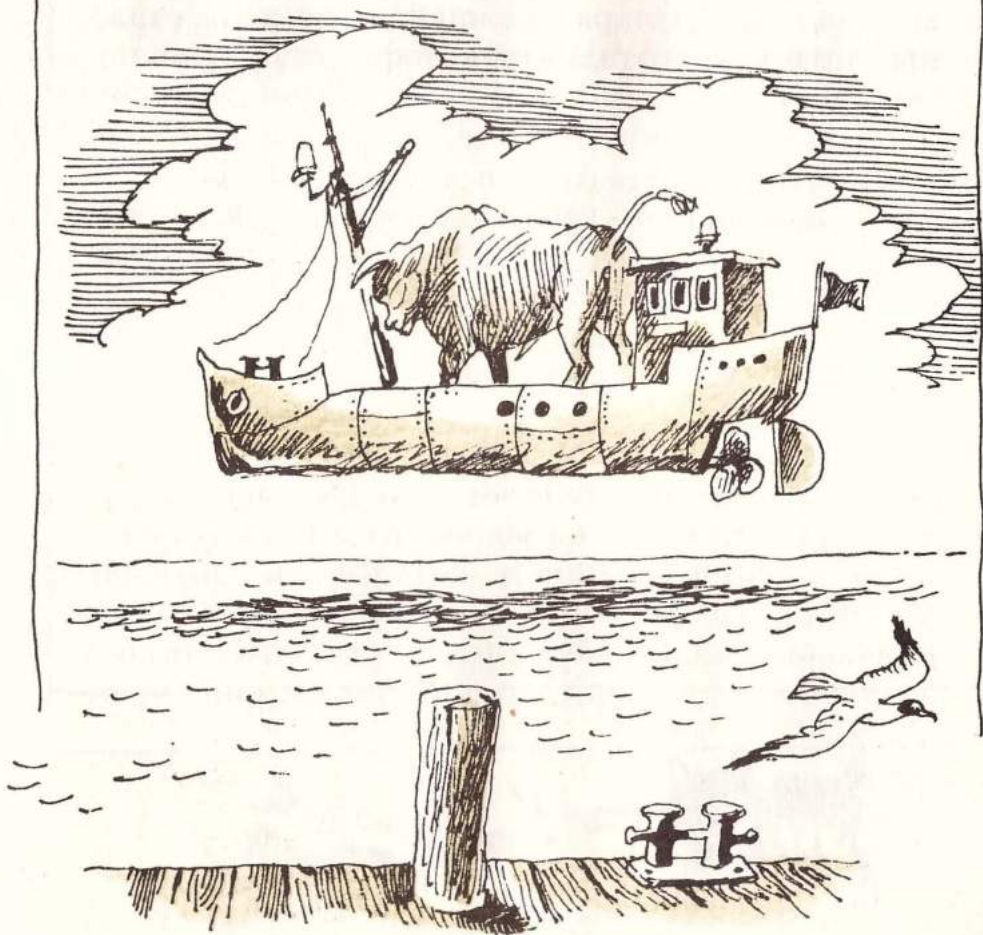
Брэдбери надсадно ревел, мотал башкою, упирался, и Шамайка металась под ногами быка, чувствуя, что тащат его неправильно и нечестно. Ее наконец хлестнули кнутом, она отстала, но все равно бежала за Брэдбери и оказалась на пристани. Здесь быка втащили на палубу какой-то коричневой баржи, привязали к мачте. Брэдбери ревел, бился об мачту лбом, и Шамайка по сходням пыталась взбежать на баржу. Негры и матросы отгоняли ее, свистели и пугали, хохотали, убрали сходни, и медленно-медленно отвалила баржа от пристани и поплыла в неведомые края, где кто-то ожидал быка Брэдбери с кнутом в руках.

Бык перестал биться башкой об мачту, оглянулся и, перекрывая вой пароходов, заревел, прощаясь с Шамайкой.

И она долго сидела на пристани и смотрела вслед барже, которая увозила кровавые и угрюмые тяжелые бычьи глаза.

Шатаясь, пошла она обратно в трущобы и часто останавливалась, оглядывалась в ту сторону, куда уплыл бык, и умывалась, умывалась,

ожидаая его назад. Она, конечно, чувствовала, что потеряла друга, который любил ее бескорыстно и добродушно, по-человечески и по-бычьи.

Тут и встретился ей снова черный пират. Сегодня он был угрюмый, пришибленный и печальный. Он плелся стороной, не решаясь приблизиться к Шамайке. Кот хропал, кто-то перешиб ему лапу.

И Шамайка, у которой никого из близких не осталось, на этот раз пожалела его и не стала отгонять старого пирата.

Глава 16. Подарки пирата

Худо ли, бедно ли, долго ли, коротко, но у Шамайки родились котята. Пять маленьких котят родились в том самом ящике, из которого она сама выползла впервые на помойку.

Котята пищали, притыкаясь к материнскому брюху, и Шамайка бесконечно облизывала их.

Пират приносил ей в ящик мышей и ворованную салаку. Мышей и салаку она брала, а папашу всегда прогоняла. Пират внутренне изменился, подтянулся. Но Шамайка сильно сомневалась в глубине его отцовских чувств.

— Я теперь уже не тот, — толковал ей пират. — Сила встречи с вами переродила меня внутренне.

— Ладно, ладно, верю, верю, — мурлыкала Шамайка. — Беги за салакой.

— Вот поймаю вам крысу, небось поверите в мои качества?

— Будем надеяться.

Папаша старался доставить ей удовольствие, и ему повезло. Однажды он заметил в траве, в зарослях пустырника и пижмы возле свалки, небольшое коричневое существо с длинными ушами. Это был кролик, сбежавший из лавки господина японца Мали. Пират подкрадывался

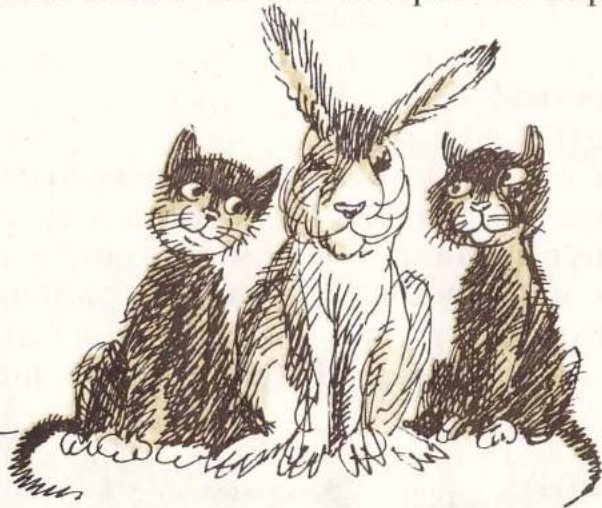
к нему долго, и схватил длинноухого, и уже хотел его задавить, как вдруг подумал: «Доставлю ей удовольствие. Преподнесу подарок любви в живом виде».

И он принес кролика в ящик из-под сухарей и бросил на кучу котят. Выбраться из ящика кролик не смог и пристроился к котяткам, которые сосали мать. Сообразительный кролик, переживший ужас пиратского нападения, понял, что судьба посылает ему невиданную удачу, и тут же принялся сосать шамаечное молоко.

— Тоже мне подарочек, — поначалу ворчала Шамайка, — длинноухого принесли.

Но скоро она к кролику привыкла и облизывала его утром и вечером.

Прошло две недели, и котята подросли. Они свободно уже стали вылезать из ящика, только кролик никак не мог выбраться наружу.

Глава 17. Господин У-туулин

— Слишком много развелось трущобных котят, — ворчал господин У-туулин, протирая тряпочкой малокалиберную винтовку. — Надо их перестрелять, пока они беспомощные.

И он полез на крышу с винтовкою в руках.

— Маса, маса! — вскричал негр Джим, вбегая в лавку японца. — Господин У-туулин стреляет по котяткам! По трущобным котяткам! Мне их жалко, маса!

— Трущобные — они же ничейные, — сказал японец. — Значит, господин У-туулин может по ним стрелять. Ты не вмешивайся в это дело, Джим. Нельзя нам ссориться с господином У-туулином.

Но Джим все-таки побежал назад и полез на крышу, с которой стрелял господин У-туулин. Прилипая к оптическому прицелу, господин стрелял и стрелял — и очень много мазал.

Котята играли во дворе возле бочки и, конечно, не понимали, что это щелкает и прыгает вокруг них. Когда пулька зарывалась в пыль и поднимала кучку дыма, они пытались поиграть с пулькой, прихлопывая это место лапкой.

— Не надо стрелять в котят, господин У-туулин, — сказал Джим. — Мне их жалко.

— Нечего жалеть всякую шваль, — ответил господин. — От них только блохи и разные болезни. Отойди в сторону.

Но Джим не отошел в сторону, потому что он заметил, что на соседней крыше объявился черный кот-пират — папаша Рваное Ухо. И господин У-туулин навел на него винтовку. В оптический прицел хорошо был виден пират, который сегодня отчего-то весь день ухмылялся. С ухмылочкой поглядывал он на этот мир и брел по самому гребешку крыши.

— Не надо стрелять в этого кота, маса, — сказал негр Джим.

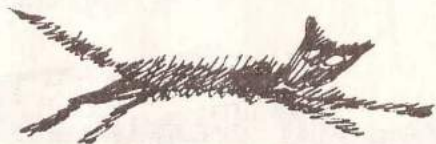
— Это твой кот?

— Нет, маса, это не мой кот, — ответил честный Джим. — Но этот кот — король трущоб. Он пират из пиратов.

— А я не люблю пиратов, — ответил господин У-туулин, — потому что они грабят честных собственников.

И он выстрелил, и черный кот-пират — новоявленный папаша Рваное Ухо свалился с крыши, потому что пуля попала ему в лоб. И тут мы должны снять шапки в честь и в память старого пирата, если, конечно, шапки наши не из кошачьего меха.

А на крыше объявилась Шамайка. Она должна была объявиться по всем законам судь-

бы и литературы. И она объявилась. Она шла по гребню крыши, след в след за Рваным Ухом, и господин У-туулин навел на нее винтовку. Здесь, вероятно, закончился бы наш рассказ, если б не одно обстоятельство. Шамайка тащила в зубах огромную дохлую крысу.

— Не стреляйте, маса, не стреляйте, — сказал негр Джим. — Ведь это кошка-крысолов. А у вас во дворе скобяного склада очень много крыс. Сами вы их не перестреляете.

Господин У-туулин почесал лоб.

— Твоя правда, негр, — сказал он. — Эта кошка достойна жить дальше.

Глава 18. Пульс кролика

Джим с крыши заметил, куда отправилась Шамайка, и пошел по следу. Осторожно заглянул он в ящик из-под сухарей, увидел в ящике кошку, кролика и дохлую крысу и накрыл ящик доской.

— Господин японец! — кричал он, втаскивая ящик в лавку. — Господин японец! С вас полтора доллара!

Японец заглянул в щелочку и стал всплескивать короткими руками:

— Это сенсационные обстоятельства! Джим, ты гений, получишь два.

— За что два доллара такому обалдую? — спрашивала Лиззи, как всегда спускаясь в подвал из спальни.

— Смотри, хозяйка! Вот где пропавший крольчонок, а ты-то думала, что я его сожрал!

— Хватит с тебя и двадцати центов, — ворчала Лиззи.

— Я всегда чувствовал, — сказал японец, — что в этой кошке заключаются деньги. Но теперь я знаю, как их из нее извлечь!

Такие афиши расклеивал Джим в переулках, и народ валил не то что валом, но некоторые любопытные заходили посмотреть на редкое сожитительство. Пришла и мадам Дантон с тремя молодыми подругами.

— Ах, какая редкость! Какое великолепие! — говорила она. — Среди людей это уже не встречается! Подберите кролика для моей Молли. Пусть и она живет с кроликом.

— Сию минуточку, — радовался японец. — Сейчас подберем кролика, способного жить с кошкой. Вам подороже или подешевле?

— Мне средненького, черного цвета. Моя Молли беленькая, а кролик пусть будет черным.

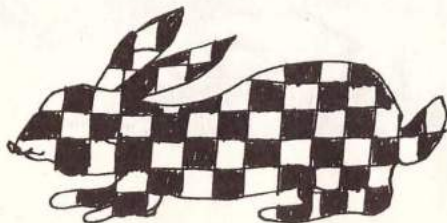
— Какой вкус! — восклицал японец. — Изысканность! Черное и белое — это цвета королевской мантии! Изыск! Изыск!

И он всучил мадам Дантон вислоухого кролика, который все это время равнодушно хрустел морковкой.

Заявился и господин Тоорстейн, который всякий раз надевал новый головной убор и теперь был в жокейской кепочке с чудовищно длинным козырьком.

— Лиса издохла, — сказал господин, входя в подвал.

— Не может быть! — вскричал японец. — Это она притворяется! Лисы, дорогой сэр, очень

ловко умеют притворяться! Она и у меня сдыхала раз двадцать, и, заметьте, дорогой сэр, она сдыхала нарочно. Вы пробовали пульс?

— Какой еще к черту пульс?

— Лисий пульс.

— Никакого пульса я не пробовал.

— И очень напрасно, очень. Где сейчас лиса?

— На помойку выкинул.

— Ай-я-яй! — воскликнул японец. — Чудовищная ошибка! Она издохла нарочно, специально, чтоб вы выбросили ее на помойку. Ах, какой недосмотр! Теперь ее уже, конечно, нету. Она ожила и убежала.

И тут японец мигнул Джиму, и негр взял лопату, стоящую в углу, и сказал, покряхтевши:

— Пойду морковь вскопаю.

А японец тарахтел дальше:

— Но давайте не будем говорить о печальном. Лиззи, Лиззи, посмотри, кто к нам пришел!

— Вот это сю-у-урприз! — завопила Лиззи, спускаясь, кудлатая, из спальни. — Как здорово почтеннейшей лисы?

— Сдохла, — изрек господин Тоорстейн, несколько оживляясь при виде кудлатой Лиззи.

— Не сдохла! Не сдохла! — радостно гомонил господин Мали. — Это она притворилась! Ты помнишь, Лиззи, как она у нас нарочно притво-

рилась? Но давайте поглядим на редкое сожительство. Давайте согреем кофию и будем наблюдать за редким сожительством кролика и кошки. Какой материал! Дарвина бы сюда!

Лиззи подала кофий, все уселись за стол, и Лиззи пристроилась рядом с Тоорстейном.

— Давайте понаблюдаем, — говорила она, подталкивая локотком господина, — за редким сожительством.

— Наблюдайте, наблюдайте! — кричал японец. — А я буду делать научные записи!

Тут японец достал грязную, замусоленную тетрадь и принялся строчить в ней научные закорюки, а Лиззи всячески подливала кофию почтенному господину.

Господин Тоорстейн старался поймать Лиззи за ушко и особо не смотрел ни на кошку, ни на кролика, который, между прочим, лежал в клетке без движения, а Шамайка облизывала его. В какой-то момент взор господина Тоорстейна прояснился, он присмотрелся к кролику.

— Кролик-то, — сказал он, — кажись, тоже издох. Попробуйте у него пульс.

Глава 19. Свежие мозги

Кролик устал быть экспонатом и членом редчайшего сожительства. Он тихо, по-кроличьи, скончался. Шамайка окончательно осиротела.

— Сдирай, Джим, афиши, — сказала Лиззи. — Кончилось счастливое сожительство.

— Зато наше еще продолжается, — шутил японец, хлопая Лиззи по костлявой спине. — Мы еще будем ездить в собственной карете.

— Откуда же ты ее возьмешь?

— Я говорю вам: эта кошка — золото. Она пахнет долларами. На счастливом сожестве мы заработали кучу долларов и еще добавим. Мы вырастим эту кошку на мех, а потом продадим. Вот тебе и собственная карета, ха!

— Не знаю, хватит ли этих денег на одно колесо, — сомневалась Лиззи. — Да и кому нужен мех с блохами? Надо вычесать блох.

— Ты шутишь, Лиззи! — смеялся японец. — Все мною продумано, все учтено. А ну-ка, Джим, разогрей-ка немного жиру гремучих змей! Прекрасное средство от блох.

И Джим разогрел на своей дурацкой печке банку варева, и вонь в лавке поднялась такая, что Лиззи сморщила нос, позеленела и, сказавши: «Мне дю-у-урно», убралась в спальню.

— Это большая вонь, сэр, — задумчиво говорил Джим, помешивая палочкой в банке. — Очень большая вонь, сэр. В прошлый раз, когда мы грели этот жир для меха лисицы, сдохли два кенара.

— Главное, чтоб издохли блохи, — смеялся японец. — А мне, например, этот запах ни капли

не воняет. Мне этот запах нравится — как-то легче дышать.

И тут они достали королевскую трущобницу из клетки и принялись ее мазать жиром гремучих змей.

О, как она брыкалась, лягалась и кусалась! Как она верещала, рычала и вопила!

Потом ее купали в тазу с горячей водой, вонь от жира гремучих змей смешалась с мыльным паром, и продолжались вопли и муки Шамайки.

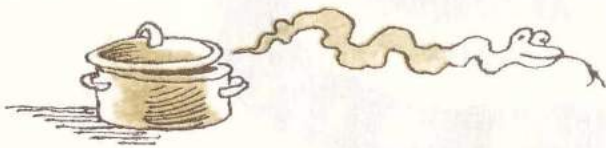
Потом Джим подкинул в печурку расколотых ящичков, и клетку с Шамайкой подвинули поближе к печке. Приятнейший охватил ее жар, добродушное тепло распушило шерсть ласково и необыкновенно.

— Чудо! — сказал японец и отчего-то опечалился и задумчиво глядел на кошку, и Джим пригорюнился, и так долго они сидели, грелись и любовались кошкой, которая блестела и переливалась серым и перламутровым.

— Серый барс с голубыми глазами, — вспомнил Джим.

— Лиззи! — крикнул японец. — Ты посмотри, какое чудо! Серая барсиха!

— Действительно, странное явление, — сказала Лиззи, взглянув на кошку. — Вон чего может наделать жир гремучих змей! Хочу только тебе сказать: чтобы выращивать кошек на мех,

мало одной этой барсихи. Нужен хотя бы десяток.

— Потрясающая голова! — сказал японец. — Невиданная голова с самыми свежими мозгами, какие только есть на земле! Скажи-ка, моя милая, ну откуда у тебя такие свежие мозги, а?

— Сама не знаю, — отвечала достойная Лиззи.

Глава 20. Карасий жмых

Клетку с Шамайкой выставили во двор, защитив ее от ветра и дождя, и стали кормить кошку маслянистой пищей.

— Главное условие успеха, — толковал японец, — маслянистая пища. Скажи-ка, Джим, ты покормил сегодня кошку маслянистой пищей?

— Масло сам слопал, а кашу киске отдал, — ворчала Лиззи.

— Неправда, мэм, я не лопал масло. Негры вообще не едят масло в это время года.

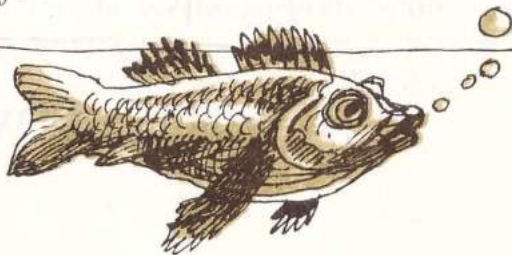
— А почему же тогда киска не толстеет?

— Какое противное слово «киска», — обижался негр. — Сказала бы еще «киса».

— Киса — это твоя рожа, когда ты объешься маслянистой пищей, — недружелюбно пояснила Лиззи, которая, как мы давно заметили, была по натуре грубовата. Я бы даже назвал ее неотесанной, если б она не была так худа.

Снова подкатила зима.

Холодные ветры трепали шерсть Шамайки, мех ее становился все пушистей и краше. Делать кошке было совершенно нечего, и она бесконечно лизала свою шубу, и с каждым взмахом кошачьего языка шкура ее приближалась к совершенству.

Тут вдруг и Простуженная Личность пожаловала в лавку японца. Личность эта потрясающе чихала и тащила на спине огромный мешок.

— С вас два доллара, сэр,— сказала Личность, начихавши на всех окрестных кроликов.

— Два доллара?! — восхитился японец. — Ну, этого даже я не ожидал. Вываливай!

— Советую запереть двери, сэр,— сказала Личность, скидывая на пол мешок, из которого неслись вопли.

Джим запер дверь, и из мешка стали выскакивать коты и кошки всех возрастов, мастей и общественных положений. Рябые и рыжие, пятнистые и гиенистые, трущобные и хозяйские, заметались они по лавке, завывали, замяукали. Большинство ринулось к выходу, и Джим отгонял их лопатой, яростно, по-собачьи рыча. Джим — наивная душа — про что думал, в то и превращался. И сейчас он превратился в собаку, и на эту собаку с лопатой стоило поглядеть.

— Никак не могу, сэр! У меня появилось совершенно собачье настроение.

— Кошек тут много,— сказал японец. — Но

я не вижу здесь двух долларов. Вот это Молли — кошка мадам Дантон, а это рыжий Крис господина У-туулина. Двадцать центов долой! Кошек придется вернуть владельцам.

— Ничего подобного! — спорила Личность. — Я не дурак, хоть и простужен. Я прекрасно понимаю, что вы вернете их за приличное вознаграждение.

Личность кое-как удовлетворили, вытолкали на улицу и стали сколачивать клетки.

Скоро рядом с клеткой Шамайки выросли на улице ряды решеток, за которыми кошки трущобные и помоечные обжирались рыбными головами.

— А по-моему, все это зря, сэр, — говорил Джим. — Весь этот сброд никуда не годится. До Шамайки им далеко. Ну какой мех из этой твари. Интересно, где он такую дохлятину изловил?

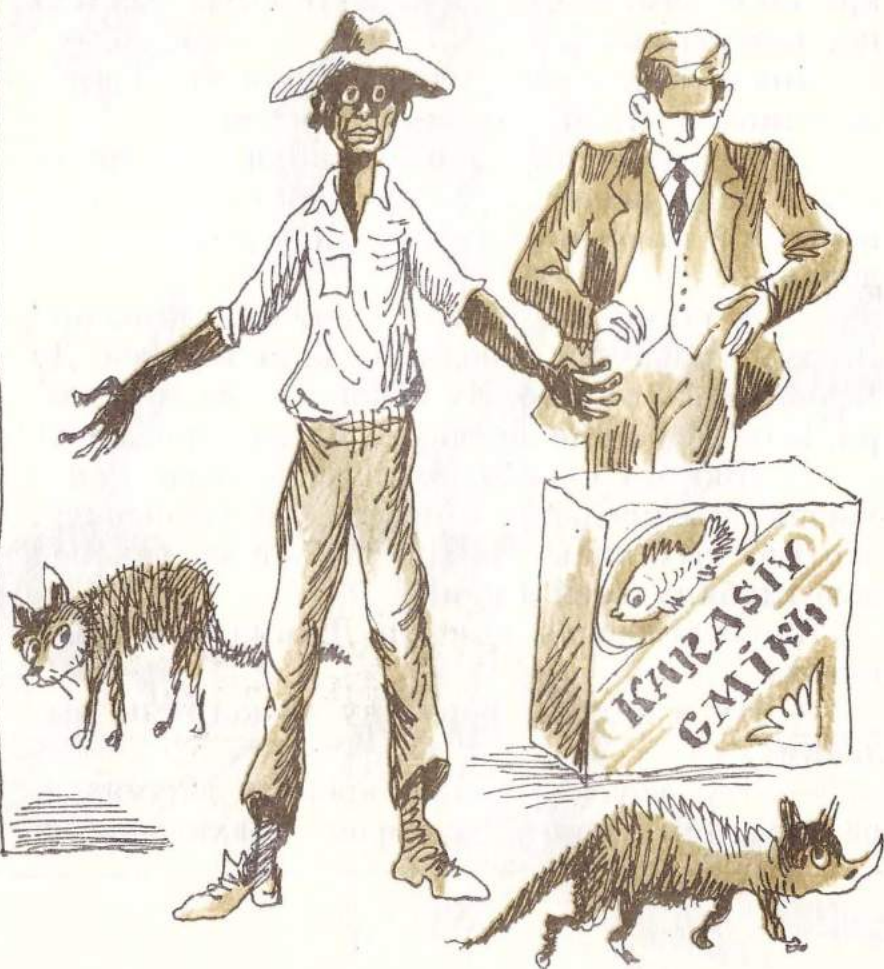
— Джим, ты негр и поэтому ничего не понимаешь. Мы продадим этот мех, но мы скажем, что это выхухоль! Ха-ха! Ты понял наконец всю глубину моей затеи?

Японец смеялся и хлопал Джима по черным плечам.

— Ну а вот эту образину за кого мы выдадим?

— Эту вот? — Японец крепко задумался, разглядывая кошку, которая смахивала на

смесь обезьянки с гиеной. — Действительно, задача. Ладно, что-нибудь придумаем, скажем, что это какой-нибудь гималайский еноторог. Джим, поверь мне, нам очень помогут жмыхи! Жмыхи, Джим, жмыхи! Я привез два пуда

специальных жмыхов, нажатых из рыбьей требухи! Это чудо какое-то! Да ты вот сам попробуй.

Джим запустил руку в какой-то сомнительный мешок с надписью «Карасий жмых», отвед с серого вещества, зачмокал и засопел.

— Ох, маса-маса, дорогой сэр,— сказал Джим,— давай всех кошек выгоним, а жмыхи сами съедим.

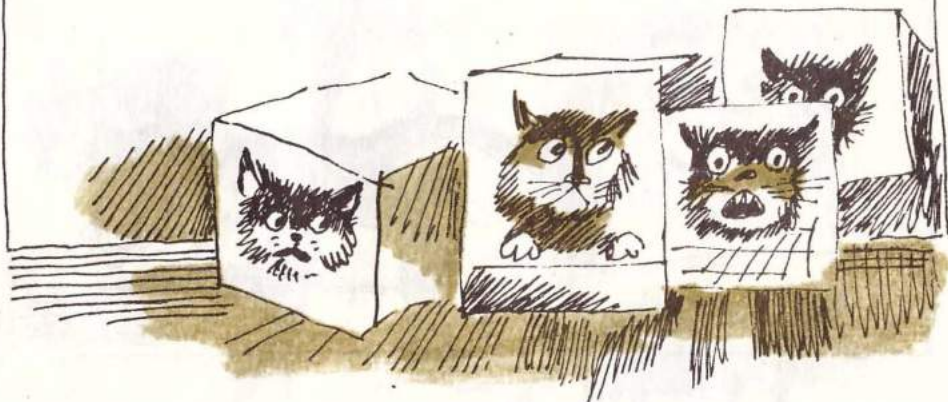

Глава 21. Ария Энрико Карузо

К концу зимы трущобные кошки подразгладились, распушились. Жмыхи и холодный воздух помогли этому малосимпатичному делу — выращиванию кошек на мех. Коты обжирались жмыхами, и к началу марта у них появилось адское желание петь и выть по ночам. Начались невероятные концерты и рапсодии, весь мир вокруг японца замаякал. Мяукала подушка, когда он ложился спать, мяукало одеяло, мяукали канарейки и кролики, и даже негр Джим замученно и хрипло примяукивал.

Не мяукала только Лиззи.

— Черт знает что! Ты японец или кот? Те-

перь-то я понимаю, что ты в душе своей кот и только притворяешься японцем.

— Да нет, я не кот, — защищался японец. — Просто надо еще потерпеть, чтоб меха достигли могучего колорита.

— К черту! К черту! Если ты не кончишь дело, я сама завтра отравлю кошек своим пронзительным взглядом.

— Ладно, — сказал японец. — Видимо, пришла пора превращать наших питомцев в ценные меха.

На следующий день в подвале снова появилась Простуженная Темная Личность с дубовой колотушкой в руках.

Джим ворчал. Помогать неприятному джентльмену ему никак не хотелось. Он жаловался, что у него болит голова и ноет поясница, что вначале он разотрет поясницу ядом гремучих змей, а уж потом из всех сил поможет. В конце концов его просто вытолкали во двор.

— Я готов, сэр, — сказала личность по имени Фредди. — Я готов оказать вам посильную помощь.

— Вы будете работать этой колотушкой? — спросил Мали.

— Ага. Этот инструмент называется кроликобой. Правда, на кошках я его еще не пробовал.

— Ну в конце концов, это дело вашей профессии и вашего образования. Приступайте, а мы пока заведем граммофон. Джим, помоги джентльмену!

Лиззи притащила граммофон и стала его заводить. Послышалась ария из оперы Пуччини «Тоска». Ее пел Энрико Карузо.

Кошкбой Фредди прослушал первые такты, восхищенно поцокал языком и ушел с колотушкой и вернулся, только когда кончилась ария. Вся морда была у него расцарапана, кровь хлестала из всех щелей его темной личности.

— Одиннадцать, сэр, — сказал он, задыхаясь. — Дайте иодоформу!

— Почему одиннадцать? Должно быть двенадцать.

— Одна вырвалась, чуть глаз мне не выдра-ла, да и ваш проклятый негр меня за задницу ущипнул.

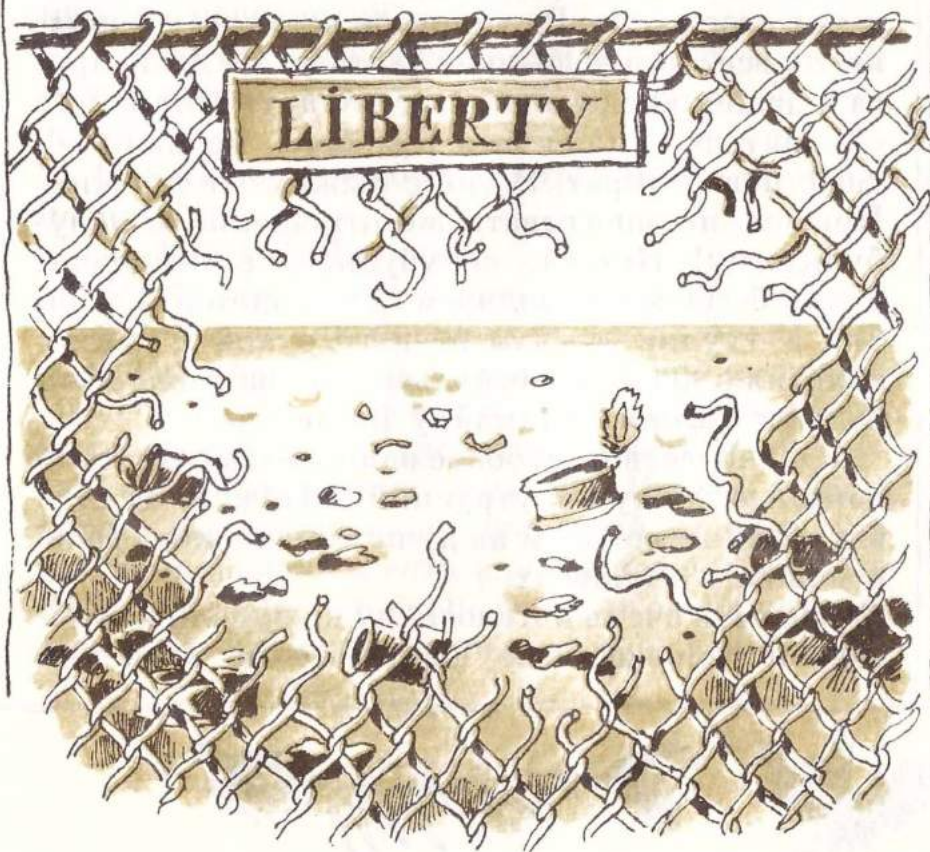
— Как это?

— А так. Только я достал из клетки эту кошку, он и ущипнул. Он мне еще гремучую

змею показал. Скроил такую рожу — точь-в-точь гремучая змея.

— Джим! — вскричал японец. — Эй, Джим!

— Все в порядке, сэр! — отвечал Джим, вбегая в подвал. — Все в порядке, не беспокойтесь, сэр! Она уцелела! Я его как раз вовремя за задницу ущипнул.

Глава 22. Отсутствие печеночного запаха

Оказавшись на свободе, Шамайка первым делом побежала разыскивать свой ящик из-под сухарей. Но ящика этого на свете уже не было. Он давно сторел в подвальной печурке.

Шамайка слонялась по трущобам, шарила по помойкам — в общем, жизнь ее постепенно вошла в свое русло. В сущности, все было в порядке, но все-таки чего-то не хватало. Не было друга и даже никакого намека, что друг этот может объявиться. Уплыл бык Брэдбери, пропали котята, погиб пират. Но не с рыжим же дружить Крисом, не завязывать же отношений с полубульдогом! Кстати, полубульдог в последнее время бессовестно шляется где придется. Господин У-туулин махнул на него рукой и навеки спустил с цепи. И несколько уже раз неполный бульдог загонял Шамайку на дерево.

Одиночество, глубокое одиночество охватило кошачью душу, внутренний холод. А ведь с внутренним холодом на душе трудно жить даже и кошке в трущобах.

Но есть очень хотелось: душа душой, а селедочная головка тоже на дороге не валяется.

Искать надо. И Шамайка шарила по дорогам в поисках селедочной головки.

Однажды услышала она знакомый призыв:
— Мяу-со! Мяу-со! Мяу-со!

И она побежала на этот зов, от которого за версту разило вареной печенкой.

Но вот тут и получилась загвоздка. Дело в том, что печенкой-то не разило. Никак не разило, не было печеночного запаха. Шамайка насто-рожилась. Но не удержалась и выглянула все-таки из подворотни.

«Черт их разберет, — думала она, — может быть, теперь делают такую печенку, без запаха?»

Она увидела человека, который вез тележку и кричал:

— Мяу-со! Мяу-со!

А еще два других человека шли по сторонам переулка, как прохожие. У одного в руках был длинный крюк-багор, у другого — сеть на палке, вроде сачка. А уж в тележке не было никакого мяса, на ней стояла клетка из грубых, необстру-ганных сколоченных брусков. И как только кошка выскакивала на знакомый призыв, она тут же попадала в сеть или на крючок темных личностей. Да, это были очень и очень темные личности, и вышли они на промысел рано утром,

в тумане, когда хозяева кошек еще спали. За полчаса они наловили больше десятка кошек, трущобных и хозяйских. И белая Молли, и рыжий Крис, и даже дурацкий полубульдог попали в клетку.

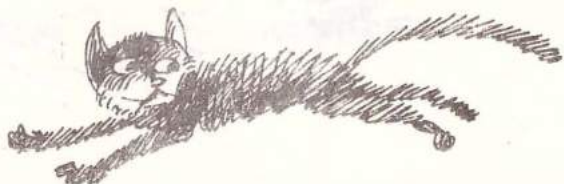
Человек с крючком заприметил Шамайку и направился к ней. Она попятилась, но уже летел к ней по воздуху железный багор. Она извернулась, отпрянула, и тут же накрыла ее сеть. Сетевик подкрался к ней сзади и неожиданно. И под крик «Мяу-со! Мяу-со!» проволокли ее в сети по воздуху и вытряхнули в клетку.

Ошарашенные и оглушенные, бились в клетки кошки и собаки, они не понимали, что с ними будет дальше. Особенно обалдел полубульдог. Он совсем потерял лицо, если можно так назвать его невероятную морду. Сейчас он мог растерзать любую кошку, но клыки его тупо спали, охваченные ужасом.

Клетка тряслась и качалась, продвигаясь дальше, и Шамайка всякий раз оказывалась рядом с полубульдогом.

И огромный испуганный Поль в тоске прижимался к ней и мелко дрожал.

«Глупо-то как, глупо,— думала про себя Шамайка.— Надо же было так дешево купиться, так глупо влипнуть в клетку, попасться

дуракам-кошколовам». Ей было предельно ясно, что сделают сейчас эти люди: повезут кошек и собак на живодерню.

И она стала осматривать клетку. Клетка была крепка, и крючок, на который она запиралась, находился снаружи и сверху. Открыть ее изнутри не удалось бы ни кошачьим когтем, ни собачьим зубом. Крышка открывалась, только когда в нее бросали очередную жертву.

— Мяу-со! Мяу-со! — мяукал тонконогий, который толкал тележку.

И выскочила из подворотни пятнистая кошка, и багор впился ей под ребро. По воздуху, по воздуху понес багор кошку к клетке, и тонконогий уже приоткрыл крышку, но тут пятнистая сорвалась с крючка. Крюконосец снова подцепил ее, да неловко, и тут Шамайка вспрыгнула на спину полубульдогу и вылетела из клетки вон, и дурацкий полубульдог рванул за нею.

Раздались ругательства, а кошки и моськи вырывались на волю. Не знаю точно, сколько их вырвалось из клетки, а за Шамайкой погнался тот, вооруженный сетью. Скачками уходила она от него, но изловчился сетевик-сачконосец и накрыл ее как раз у входа в лавку японца Мали.

На пороге стоял негр Джим:

— Господин, — сказал он кошколову, — это моя кошка, не мучай ее.

— Чего еще?! — закричал кошколов. — За-молчи, обезьяна, а то я тебе сейчас устрою суд Линча.

— Не надо мне устраивать суд Линча, маса, — мягко сказал негр. — Отдай мне кошку, а я тебе подарю полдоллара.

— Полдоллара! Мне?! Отойди, от тебя во-няет лошадью.

— Ах, маса, маса, белый человек, а гово-ришь черные слова. Ты, господин, глубоко не прав.

И слышался длинный и протяжный подготовительный звук, и кошколов не понял, что это за звук, закрутил головой, и тут Джим с великой меткостью плюнул ему в правый глаз. Плевок, пропитанный жиром гремучих змей в смеси с табаком «Читаного-Чуча», поразил кошколова чуть ли не насмерть. Он замер в полном смысле этого слова, он окостенел, а негр так ударил его кулаком в челюсть, что дурак-кошколов упал на землю и уполз куда-то глубоко в трющобы. Джим выпутал из сети Шамайку и внес в подвал.

— От этой кошки нам никогда не избавиться, — задумчиво сказал японец, оглядев Шамай-

ку. — В ней, конечно, заключены доллары. Но кошачьи меха себя не оправдали, на одних рыбьих жмыхах можно разориться. Но кое-что мне все-таки приходит в голову. Готовь-ка, Джим, варево из жира гремучих змей, надо ее снова отмыть.

— Что это еще пришло в твою японскую голову? — ворчала всклокоченная Лиззи. — Боже! Как я глупа! Зачем не приняла предложение господина Тоорстейна?

— Я скажу только одно слово, — с намеком шепнул японец. — А ты слушай, как это слово звучит. Вот как: «Никербокеры!»

— Никербокеры? Ты шутишь. Вначале купи себе приличные штаны, а уж потом говори «Никербокеры». Никербокеры тебя и на порог не пустят.

— А я и не пойду к ним на порог. Пошлю вместо себя Джима. А костюм возьмем напрокат. Но это не главное. Главное — имя и родословная.

— Нужно что-нибудь королевское, — сказала Лиззи. — Ничем так не проймешь Никербокеров, как чем-либо королевским.

— Свежие мозги! О, свежие мозги! — закричал японец, хлопая Лиззи по спине. — Что ты скажешь, например, о королевской Вильгельми-

не? Или еще лучше — королевская Изабелла?

— Это вино такое есть, «Изабелла», — заметил Джим.

— Помолчи, глуповатый негроид, — ласково сказал японец. — И прекрати думать о вине.

— Ладно, не буду, сэр.

— Послушай, Джимми, а как звали остров, где ты родился?

— Остров Аналостан был моей родиной, сэр!

— Здорово! Королевская Аналостанка, черт возьми! Единственная королевская Аналостанка на свете с родословной! Умора!

И японец принялся хихикать и хохотать.

— Королевская Аналостанка, — повторила Лиззи. — Ну и словечко! Язык свернешь.

Глава 23. Жемчужина

Море экипажей, реки цилиндров, озера шляпок и туалетов, дамы и кони, негры и господа окружили один из богатых особняков на Пятой авеню, а может, и на какой другой улице города. Все это шумело, ржало, смеялось, кричало, ругалось и пробивалось к двери, у входа в которую стояли швейцары и полицейские.

Господин японец Мали с трудом продвигался к особняку, размахивая пригласительным билетом. Как ни старался японец отгладить брюки, вид у него все-таки был никудышный. В этой пестрой толпе он торчал, как булыжник в асфальте. Некоторые швейцары толкали его локтями, а одна дама заметила:

— От вас пахнет канарейками.

Удивляясь точности ее обоняния, японец читал афишу:

Выставка
ДОМАШНИХ
ХИЩНИКОВ
г. НИКЕРБОКЕР

По персидским коврам, по бразильским паласам двигались нарядные зрители и знатоки

кошек. А за бархатными мадагаскарскими занавесками стояли клетки — латунные и золотые; а уж в этих клетках сидели кошки. Все с бантами!

«Все с бантами!» — потрясенно думал японец Мали.

— Ах, какой ус у этого кота-сибиряка! — восклицали знатоки. — Какой хвост! Это не хвост, а царственное опахало!

— Посмотрите на это пушистое чудо! Гляньте на это сиамское диво!

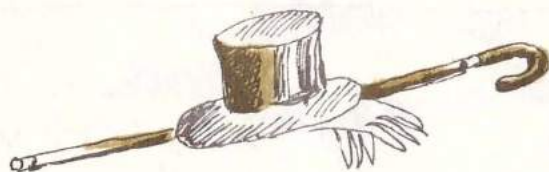
У некоторых котов на хвосты были нанизаны золотые кольца, другие коты в бархатных жилетах валялись на шелковых подушках, как джентльмены, напившиеся виски.

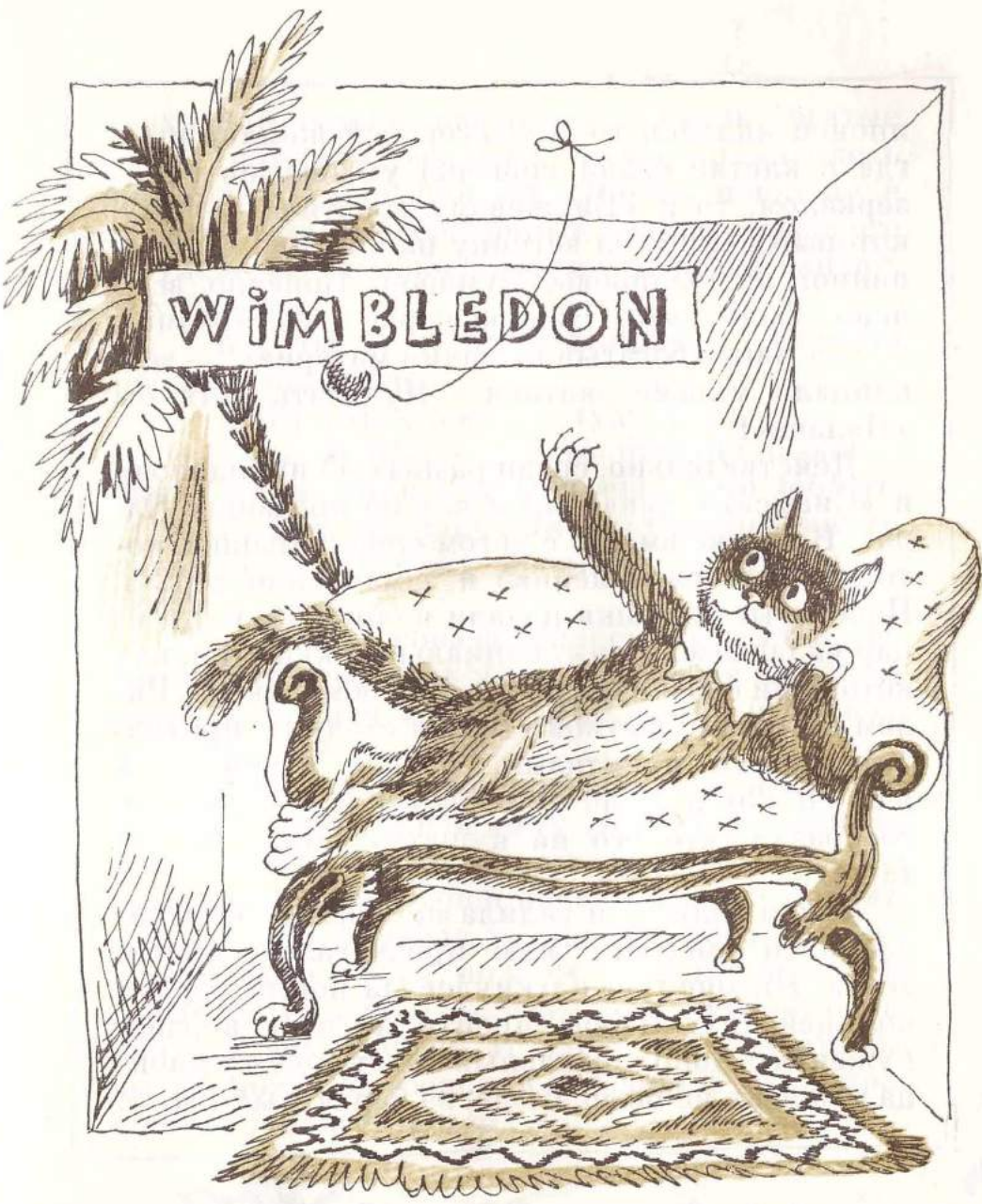
— Уимблдон! Уимблдон! — слышались вопли, и японец Мали протиснулся к клетке, в которой сидел клетчатый котяра.

Дьявольски ухмыляясь, он махал когтистой лапой и попадал ей иногда по теннисному мячику, который был привешен на веревочке. От удара мяч перелетал через сеточку в другую половину клетки. А уж там встречал его другой котяра, полосатый, который с ревом кидался на мяч, как лис на куропатку.

«ЧТО НАША ЖИЗНЬ? — написано было над клеткой. — СПЛОШНОЙ УИМБЛДОН!»

Вообще надписей на клетках хватало, и

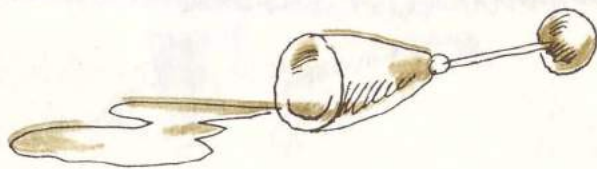

японец кидался то к «Ангорской жеманнице», где в клетке белая кошечка умывалась перед зеркалом, то к «Биржевому воротиле» — коту, который лениво ел ветчину на коврике, состряпанном из долларовых бумажек. Конечно, всем ясно было, что Никербокеры расстарались.

— Какой богатый кошачий материал! — восклицали многие знатоки. — Ну взять хотя бы «Палача»!

Действительно, среди разных «Уимблдонов» и «Сиамских див» был и кот по прозвищу Палач. В клетке вместе с котом сидела мышка, которую кот-палач лениво и замедленно терзал. Некоторые девушки падали в обморок, и швейцар укладывал их на специальные кушетки, над которыми было написано: «Для обмороков». Рядом с такой кушеткой стоял и столик с прохладительными напитками, соками и виски, и японец хотел было грохнуться в обморок, но сообразил, что его на кушетку никто не потащит.

Толпа валила и валила по бразильским паласам, и вместе с нею продвигался японец Мали. Наконец он наткнулся на новый кордон полицейских. Чтобы пройти за этот кордон, нужен был дополнительный билет, коего у японца, конечно, не было. Сюда, за бархатный канат,

проходили только избранные и очень богатые люди, которым все-таки тоже приходилось показывать особый билет. Японец пошарил в кармане и нашел серебряный доллар. Зажав его в кулаке, он принялся вертеться возле бархатных веревок.

— Ну, ты чего тут вертишься? — спросил наконец полисмен.

— Я бы хотел попасть туда, сэр.

— Туда нельзя, — лениво ответил бобби. — Там — жемчужина. Сопрешь еще, чего доброго.

— Да нет, не сопру. Мне бы только глянуть, я вообще-то развожу кроликов и вот теперь думаю...

И тут японец показал полисмену доллар. Полицейский протянул жезл, а в жезле была дырочка, и японец всунул туда доллар и прошел за бархатные веревки.

Тишина — вот что поразило его поначалу. Полная тишина. Если по ту сторону веревки все время гремел легкомысленный джаз, то уж тут была тишина, и японец подивился силе бархатной веревки, которая не пропускала не только посторонних людей, но и посторонние звуки. Он поднялся по какой-то лесенке, и голубой охватил его полусумрак. И вдруг из-за портьеры вышел пожилой господин в черном фраке и прошептал японцу на ухо:

— Вы приближаетесь к жемчужине, сэр! Вам осталось двадцать пять шагов. Мужайтесь, сэр, мужайтесь! — И джентльмен пропал.

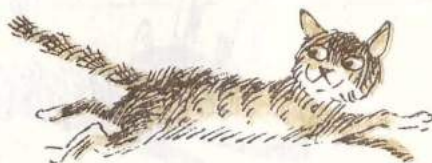
Японец сделал шаг, другой и наступил на какую-то особую ступеньку. Это была музыкальная ступенька, как клавиша пианино, и послышался тихий и далекий звук фисгармонии. Звучала прелюдия Иоганна Себастьяна Баха...

И девушка в белом выплыла навстречу японцу, ласково обняла его и зашептала ему на ухо какие-то английские стихи, которые я совершенно не понял, мне только послышались слова: «Никогда не узнаю, он был или не был, этот вечер...» Наконец девушка отпустила японца и ласково кинула его в объятия трех молчаливых, похожих на Авраама Линкольна. Три президента обыскали японца, проверили, нет ли у него за пазухой маузера, и впустили в зал, сверкающий золотом и шампанским.

— Прежде всего! Прежде всего! — сказал кривоносый официант. — Прежде всего шампанское! — И подал японцу поднос, на котором стояли тонконогие бокалфужеры!

Японец потрясенно хватанул шампанского, которое тут же выскочило у него через нос. Отфыркиваясь, японец огляделся.

Совсем небольшая, но все-таки толпа, в которой мелькали фоторепортеры, поджигавшие

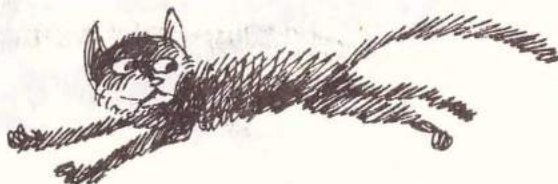
магний, столпилась вокруг человека, который бокал за бокалом, волнуясь, пил шампанское. Это и был господин Никербокер — великий покровитель кошек всего мира. Это именно он устроил в свое время великий поход домохозяек с лозунгами: «Кесарю—кесарево, а кошке—кошково!» На голове господина Никербокера была прилеплена настоящая корона, составленная из сплетения золотых кошек и серебряных мышей.

— Каждой кошке — мышь! Каждой кошке — свою мышь, господа! — говорил господин Никербокер журналистам. — Вот мой лозунг!

Все аплодировали.

— А сейчас я покажу вам жемчужину. Слабонервных прошу... Впрочем, среди настоящих знатоков и любителей домашних хищников слабонервных не бывает. Маэстро!

Откуда-то грянул туш, свет припогас, портьера медленно поплыла в сторону, и, к своему изумлению, первое, что увидел японец, была физиономия Джима в белом цилиндре. Да, Джим в белом цилиндре, в белом фраке стоял за портьерой, а рядом с ним — полицейский с револьвером. Другой полицейский красовался по другую сторону портьеры, и рядом с ним кипела бешеными красками Лиззи. А между всеми полицейскими и револьверами виднелась клетка, над которой написано было:

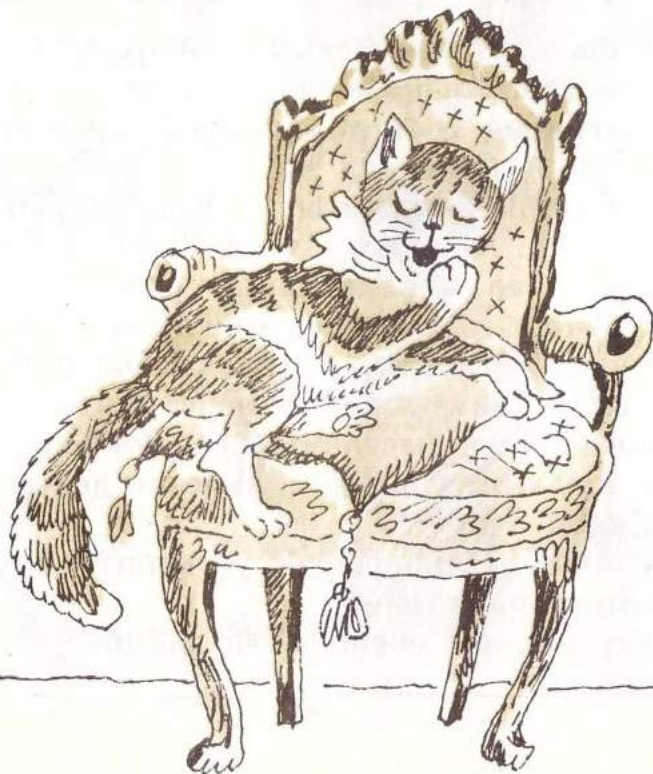

КОРОЛЕВСКАЯ АНАЛОСТАНКА

СОБСТВЕННОСТЬ ГОСПОДИНА

МАЛИ, ЭСКВАЙРА
ТОКНО

На троне, на троне, на черной подушке, чуть-чуть прижмурив голубые глаза, лежала в клетке Шамайка. Заприметив толпу, она зевнула, прикрываясь изящною лапой.

Глава 24. Их маленькая тень

— Да, она единственная, — подтверждал господин Никербокер, кивая короной. — Единственная Королевская Аналостанка с родословной! Сейчас кошководы заняты проблемой найти ей достойную пару. Единственный известный нам кот-аналостан проживает на острове Борнео. Видимо, хозяин повезет ее туда на дирижабле.

— О, как бы я хотела иметь у себя это великолепное существо Аналос... — сказала пожилая дама, рассматривая кошку в театральные бинокль.

— Великолепное существо... Как верно сказано, графиня!.. Аналос... Аналос... Это уже не просто кошка, это — великолепное существо! Но должен огорчить вас: «аналос» не продается. Ее хозяин, господин Мали, — человек с большими средствами, к нему трудно подступиться. Он насилу согласился выставить свое сокровище, а сейчас находится в Стокгольме по делам государственной важности.

— О, господин Никербокер, уговорите же его продать мне аналостанку.

— Не обещаю, не обещаю, но попробую,

здесь находится его дворецкий. — И господин Никербокер кивнул короной на Джима.

— А кто эта дама? — спрашивали зрители, потрясенные видом Лиззи.

— Это специальная кошачья экономка. Она кормит аналостанку, она знает тайну ее рациона. Очень молчалива, от нее и слова не добьешься.

Тут господин Никербокер подошел к Лиззи и сказал:

— Будьте так любезны, мисс. Сообщите же знатокам, чем вы кормите ее в это время суток.

Лиззи прищурила глазки, сложила губки и сказала:

— Это сю-у-укрет!

— Но все-таки, мисс, будьте благосклонны к кошковедам, вы поможете и мне лично в создании монументального труда «Введение в кошковедение».

— Сбитые сливки, — сказала наконец Лиззи, — а на завтрак жареная мышь.

— О боже! — воскликнула графиня. — Да кто же с мышей шкуру-то сдирает?

— Вот он и сдирает, — ответила Лиззи, кивнув в сторону почтенного дворецкого.

Вечером этого же дня в подвале устроили праздник. Только Лиззи была недовольна.

— Дубина! — ругалась она. — Получил

пятьсот долларов — и уже на седьмом небе! Надо было торговаться! Можно было взять тыщу!

— Так ведь меня не было, — оправдывался японец. — Вы с Джимом назначали цену.

— Джим — негр, а я растерялась.

— Ладно, — сказал японец. — Это наша первая счастливая сделка, будут и более выгодные. В другой раз продадим кошку за тыщу.

— Не знаю, не знаю, — покачал головою Джим. — Весьма сомневаюсь, уважаемый сэр. Где вы еще возьмете такую Шамайку? Такие кошки рождаются редко. Очень редко, сэр.

— Кто же ее все-таки купил?

— Богатые люди, сэр. С Пятой авеню. Хозяйку называют графиней.

— Пошли, — сказал японец, вставая. — Пошли поглядим, где живет теперь Королевская Аналостанка.

Они долго шли по городу и попали в богатый квартал. Стояли, стояли у решетчатой ограды и смотрели на дом с белыми башенками, на освещенные окна. За спиной у них громыхали машины и экипажи. А один человек остановился, внимательно разглядывая и негра и японца. Я точно не знаю, кто это был, но возможно, господин Эрнест Сетон-Томпсон. А они все ждали, что кошка покажется в окне, да только

чужие богатые тени мелькали на кружевах занавесок.

— Вон! — закричал Джим. — Вон она!

И они увидели, как мелькнула за оконной кисеей изогнутая кошачья тень. Их маленькая тень.

Глава 25. Новое правое РВАНое УХО

Графиня Блонская, которая купила Шамайку, была большая любительница редких животных. В ее роскошном доме жили канарейки, но это были очень и очень особенные канарейки, канареечки с вывертом.

Графиня говорила так:

— Если у меня будут жить золотые рыбки в аквариуме, то это не будут простые золотые рыбки в простом аквариуме. У меня уж и аквариум и рыбки будут с вывертом.

И она вправду привезла рыбок от китайского императора, который был с вывертом. А выверт заключался в том, что император уже императором не был, но был! И рыбки все были выверчены в разные стороны, и одна из них, фиолетового цвета, умела высунуть из воды физиономию и сказать слово «хлопок».

Это было единственное слово, которое она могла молвить, — «хлопок», но в этом заключался президнейший выверт.

И аквариум, конечно, был с вывертом, но тут выверт был в другом.

Этот аквариум делал русский мастер Ваня Коровочкин, который прежде никаких аквариумов не делал.

— Жизнь пресна,— говорила графиня.— Все так однообразно и безобразно, что ее просто хочется вывернуть. Без выверта пусть будут только доллары.

Кроме рыбок и канареек, жил у графини сенбернар Стэнли, которого очень трудно было отличить от тельца, который тоже тут жил и убивал каждого зрителя своим бешеным сходством с сенбернаром. Когда они паслись рядышком в саду и сенбернар жевал петрушку, тельнок зверски рычал на прохожих.

Короче, весь дом и все хозяйство графини было с вывертом и вверх дном. В этот вывороченный дом вливал свою струю и сын графини — ушастый Виктор.

— Мути! Мути! — вскричал Виктор, вбегая в столовую к утреннему кофею и обращаясь к матери почему-то на немецком языке. — Мути, смотри что!

Из его правого уха хлестала кровь.

— Боже, Виктор! Вас ист дас? Откуда кровь?

— Она, она, кошка с вывертом! Она меня оцарапала! — ревел Виктор, размахивая правым ухом. — Я хотел ее погладить, а она царапается.

— Пойми, Виктор, ты только граф, а она королева. У нее аристократическая неприязнь к неуместным ласкам. Эй, люди! Забинтуйте ребенку ухо!

На зов графини вбежали слуги и стали закручивать бинт на голове ребенка.

— Я по-хорошему к ней, а она... — врал Виктор, который дернул Шамайку за хвост.

Скоро Виктор был обинтован так густо, что голова его стала схожа с белокочанной капустой. Виктору обмотка не понравилась, голова его отяжелела, и он то и де-

ло ронял лову на

— Мути!

Мне эта кофий пить

— Не лезь раз с дурачками к королям, — отве

такую го- стол.

Мути!

обмотка

мешает.

в другой

кими лас-

левским

чала графиня.

Глава 26. Кончина Кровожадного Теленка

Пока графиня с забинтованным сыном услаждались кофеем, который тоже был с вывертом, а именно с чесноком, Шамайка металась по комнате. Катаясь на спине, пыталась она сорвать с шеи голубой бант. Он ее бесил, давил и душил. А разгрызть его не удавалось! В конце концов она так взлохматила его, что бант напоминал голубую рваную пальму.

Да, так уж получилось, что кошку мучил бант, а Виктора бинт.

Бинт и бант должны были снова неминуемо встретиться.

И Виктор после кофию пошел во двор и отвязал сенбернара. Он хотел взять с собою еще кровожадного теленка, но понял, что сенбернара достаточно.

Травоядный Стэнли, виляя огромным задом, поднялся на второй этаж по бархатным коврам. Он шагал с достоинством, как истинный господин-вегетарианец.

И вот вдруг открылась дверь, и Шамайка увидела предостойного господина. Ничего подобного она никогда в жизни не видела, и рожа

господина Стэнли, обожравшегося сельдереем, показалась ей чудовищной. И Стэнли никогда не видел кошек с голубою пальмою на голове. Обычно полусонный, любитель трав проснулся и гавкнул. Но это мы так пишем — «гавкнул». На самом деле это был глубокий и жуткий нутряной звук, это был обвал и взрыв вулкана внутри горы.

С пальмою на голове взвилась Шамайка в воздух, и за нею взлетела хрустальная ваза с орхидеями, которая взорвалась совместно с люстрой! Всюду посыпался хрустальный дождь, и золотая фиолетовая императорская рыбка с

вывертом выскочила из аквариума и побежала по мокрому полу, яростно крича:

— Хлопок! Хлопок! Хлопок!

Господин Стэнли забыл на миг законы вегетарианства и рыбку немедленно заглотил. А Шамайка, сообразив, что это безобразие никогда не кончится, пролетела по комнате к окну, вышибла пальмой стекло и вылетела на свободу.

И судьбе было угодно, чтоб она пала на спину кровожадному теленку, который с криком «Мути» тут же скоростижно скончался.

Глава 27. Приключения РЫБЬЕЙ ГОЛОВЫ

— Не знаю, не знаю, — говорил японец, рассматривая самых разных кошек, вываленных из мешка все тою же Простуженной Личностью. — За весь товар полдоллара.

— Отличная кошка! — торговалась Темная Простуженная Личность. — Редкий товар. Дайте доллар, господин японец, а то я вас буду проклинять. Одних убытков сколько понес: рожу расцарапали — раз! Брюки испоганили — два!..

— Рожу, дорогой сэр, при вашей профессии страховать надо. Вот тебе еще двадцать центов, и можешь проклинять меня сколько угодно.

Сунув деньги куда-то под мышку, Простуженная Личность постепенно удалилась, приговаривая: «Проклинаю!»

— Дураки, — ворчала Лиззи. — Продали аналогостанку. Надо было вначале взять от нее потомство, десяточек котят! Надо было вывести породу! Где ты найдешь теперь подобную кошку? Это ведь все барахло!

Японец сортировал трущобный товар и вышвыривал на улицу кошку за кошкой.

— Да,— говорил он.— Ты, Лиззи, очень права, у тебя свежие мозги, только иногда они не вовремя срабатывают.

— Слышь, хозяин,— сказал Джим, спускаясь в подвал,— Королевская Аналостанка вернулась домой.

— Как это? Где?

— Да вон она, сидит на заборе.

Тут господин японец и негр выскочили во двор и действительно увидели Шамайку с голубой пальмой на голове, которая сидела на заборе.

— Кис-кис-кис! — вдохновенно заорали они.

— Стой, маса, не ори! — сказал Джим. — Где наша рыба голова?

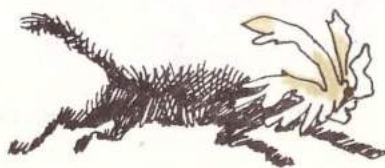
Они бросились искать рыбую голову и быстро нашли ее в тарелке у Лиззи. Достойная сожительница как раз собиралась насладиться ею в одиночестве.

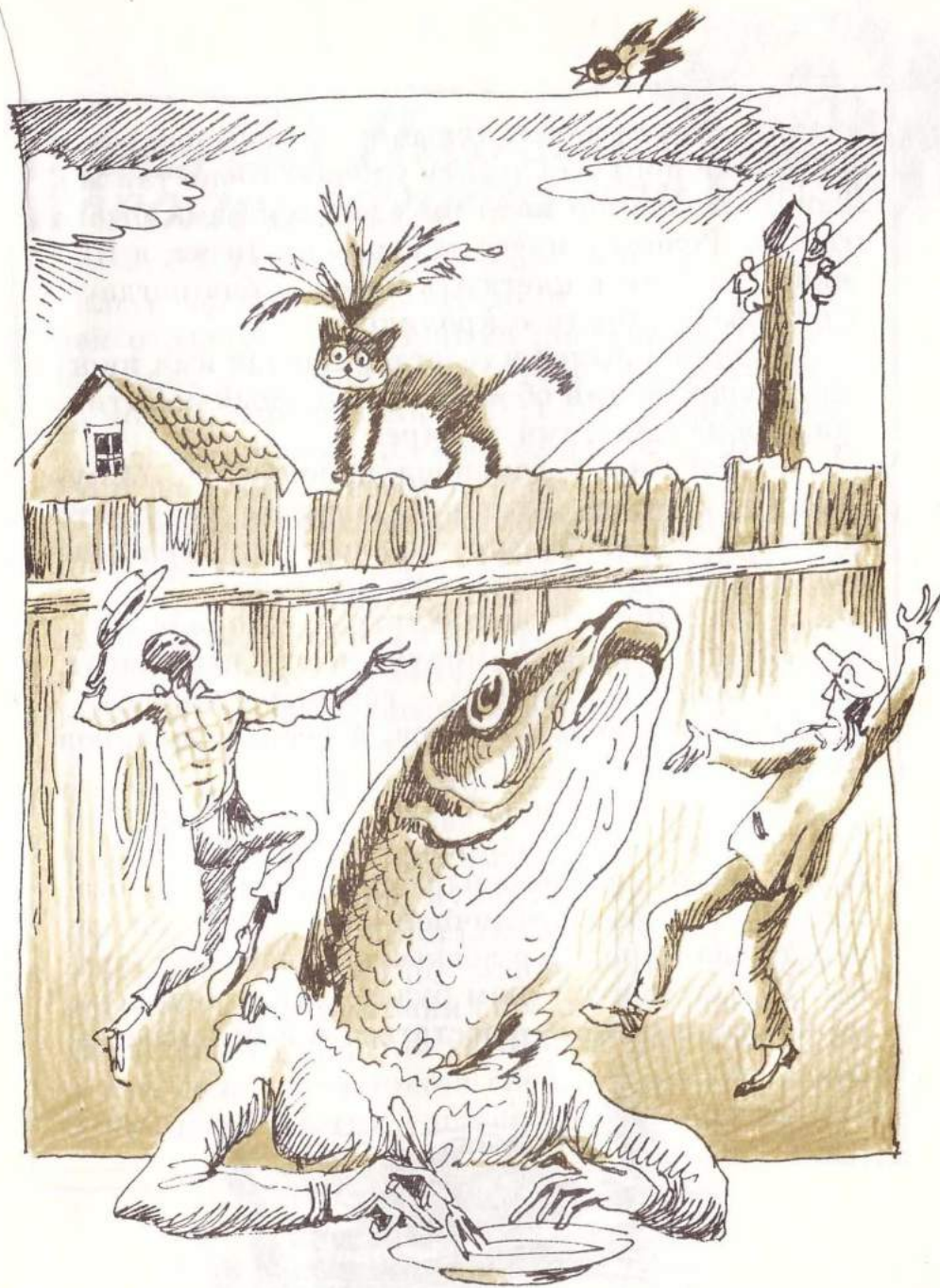
Начались бесконечные уговоры отдать голову, но Лиззи раздраженно кричала:

— Моя голова, не отдам!

Наконец ее уговорили дать голову напрокат, хотя бы на время, и японец клятвенно обещал, что после того как им удастся подманить Шамайку, голова вернется к Лиззи.

Голову положили на дно ящика из-под

огурцов, пристроили крышку с веревочкой, и Шамайка попала на эту удочку, точно так же, как попала когда-то на удочку и сама рыба голова. Голову с почетом вернули Лиззи, а Шамайку сунули в клетку, в которой она когда-то проживала вместе с кроликом.

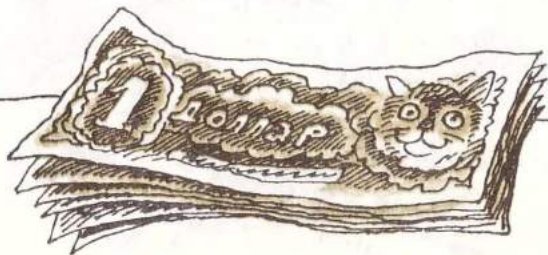
А японец рылся в газетах, шлепая ими иногда в раздражении об пол, недовольный событиями, происходящими в мире.

— Вот оно! — вскричал наконец он. — Слушайте: «Десять долларов награды тому, кто доставит Королевскую Аналостанку графине Блонской». Джим, надевай цилиндр.

— Не стоит ее доставлять, — говорила Лиззи. — Надо поскорее получить от нее котят.

— Еще неизвестно, — говорил японец, — будут ли эти котята завтра, а десять долларов будут точно.

И Джим доставил Аналостанку по адресу и получил десять долларов. Он шел обратно в белом цилиндре, веселый, счастливый и богатый. У него было отличное настроение, он напевал марши и с ловкостью плевал в стороны. И в этом месте нам будет хоть и печально, но все-таки полегче расстаться с ним навсегда.

Глава 28. Падение королевской крови

— Ей нужна перемена обстановки, — объясняла графиня сыну. — Надо отвлечь ее от мыслей о разлуке с прежними хозяевами. Поедем на виллу — свежий воздух, творог, молоко, масса новых впечатлений. Она будет счастлива.

— Да, мути, — лживо соглашался Виктор, кося на кошку левым глазом.

Графиня приказала приготовить для кошки просторную корзинку, обитую бархатом. Шамайку посадили в корзинку, и, пока слуги грузили вещи в багажник кареты, господин Виктор полил все-таки корзинку водой. Мокрая кошка жалобно выла, рвалась на волю. Потом карета закачалась, задержалась, затряслась. Какие-то щелчки и свист, рев и многоголосье долетали до Шамайки, и вдруг снова в щели полилась вода. Кошку вместе с другим багажом погрузили в поезд, и долго еще мучилась она, пока добралась до загородной виллы. Разгрузили карету, корзинку с кошкой поставили чуть в сторонку. Виктор тут же приманил бродячую шавку и дал понюхать ей корзинку. Шавка подняла крик и вой, и все дворняжки сбежались на ее голос и принялись выть и плясать возле багажа.

Кучер стрелял кнутом, Виктор свистел, и наконец объявилась графиня, за которой ползла толстая негритянка по имени Долли.

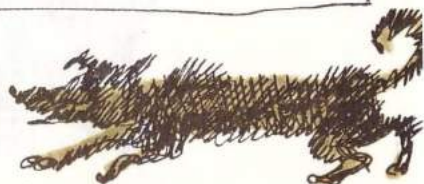
— Такая дикая, — объясняла графиня кухарке. — Всего боится. Королевская особа, никак не знаешь, чем ей угодить. Очевидно, очень переживает разлуку с прежним хозяином.

— Это пустяки, мэм, — отвечала Долли. — Давайте мне корзинку вместе с кошкой. Есть одно старинное негритянское средство.

Корзинка с кошкой приплыла на кухню, и Долли вначале дала Шамайке подышать всякими чудесными запахами и только потом приоткрыла крышку и бросила в корзинку целую сарделию. Пока Шамайка терзала сарделию, Долли рылась на полке, разыскивая нужную баночку. Баночка такая нашлась, в ней было нутряное кабанье сало.

Долли схватила внезапно королевскую трущобницу, завернула ее в передник, и как ни билась, как ни вырывалась Шамайка, Долли обильно смазала ей пятки нутряным жиром. И тут же отпустила ее.

Кошка бросилась бежать, да поскользнулась на сальных лапках, упала на бок и стала, конечно, лапки свои облизывать. Облизала одну, другую и скоро уже пожалела, что не осталось ни

одной необлизанной. И добродушная Долли намазала ей лапки еще раз и дала другую скворчащую сарделию, и Шамайка поняла, что находится в раю.

Графиня пришла в восторг, когда увидела, как Шамайка лапки лижет. Это сделалось в ее глазах необыкновенным вывертом.

— Падение королевской крови, — объясняла она богатым соседям. — Многие, многие лица известных фамилий лижут чужое сало, но лапки-то все-таки собственные, королевские. Тутанхамону бы на это поглядеть!

Глава 29. Запах роз

Кухарка Долли, без сомнения, была единственным человеком, с которым можно было общаться на этой вилле. И Шамайка общалась с нею, сидела целыми днями на кухне, лизала лапки, а Долли пела ей негритянские песни:

Напусти ты, Моисей,
На Египет тьму.
Жаб, лягушек, песьих мух,
Язву и чуму...

Шамайка слушала ее и радовалась, что мухи в песне были песьи, а не кошачьи.

Кухарка Долли и совершила новое, с ног сшибательное открытие, которое понаделало шуму в кошковедении, и до сих пор еще знатоки спорят, обладают ли кошки теми сверхъестественными способностями, которые открыла кухарка.

Дело в том, что у Долли ныли колени. И как только негритянка сажала на колени Шамайку, они переставали ныть. И вскоре совсем перестали. Долли не стала таить свое открытие, и на кухню потащились больные негры, и Долли сажала кошку то на негритянскую поясницу, то на спину. Негры лечились и выздоравливали

несколько дней, пока их не застучала графиня. Она увидела негра, который сидел в углу на куче угля с кошкою на голове, и окаменела. В ту же секунду негр вылетел из кухни, а графиня долго топала ногами, обвиняя кухарку в осквернении королевской крови.

В тот же вечер у графини заболела голова, а кошку потащили в апартаменты.

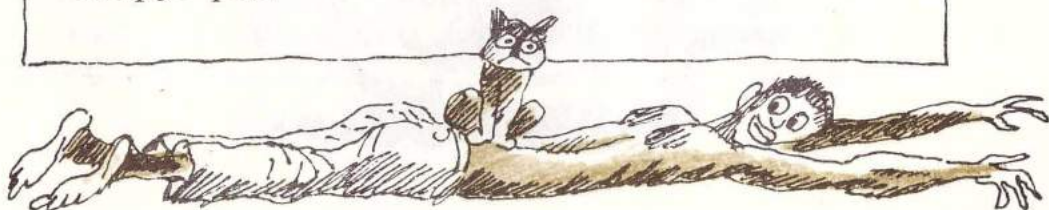
Это был тяжелый случай в жизни Шамайки. Сидеть у графини на голове было невыносимо, она то и дело прыгивала на пол, ее тащили обратно, она царапалась; тем не менее голова у графини прошла, и кошку окружили невероятным почетом, сшили ей даже бархатный жилет, который нанялить на нее, впрочем, не удалось.

На улицу ее из дома почти не выпускали, но вырваться порой удавалось.

Двор был ужасен — никаких свалок, никаких помоек. Весь двор был опоганен и отравлен розами. Розы, отвратительные жирные розы свисали с колючих стеблей и пахли, пахли. От запаха роз Шамайку тошнило.

А господин Виктор катался на пони.

Он залезал на маленького коня и скакал вокруг роз.

Однажды он заприметил Шамайку и вздумал поскакать на нее. Кошка попала под ноги коньку, и тот встал на дыбы, и господин Виктор свалился в кусты роз. И земля не видела такого расцарапанного павшего наездника, когда он выбрался из кустов.

Щелкая кнутиком, Виктор ворвался на кухню, где спряталась кошка, и кухарка отняла у него кнутик и бросила в печку. В тот же вечер графиня рассчитала негритянку. Долли собрала свои вещи, связала в узелок и пошла за ворота.

— Зря я тебе лапки салом намазала, — сказала Долли, погладив Шамайку на прощанье.

Глава 30. Бег

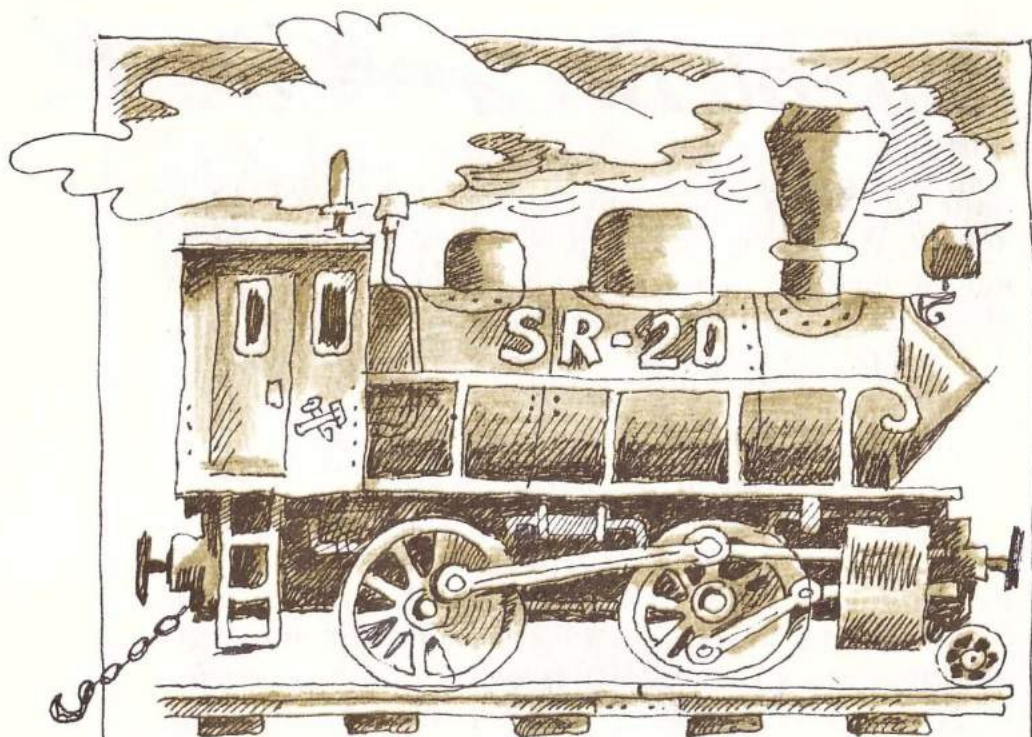

Здесь мне хочется сообщить читателю, что наше повествование подходит к неминуемому концу. И чувствует автор, что хочется читателю, как и автору, чтоб наша трущобная королева сбежала с виллы, пропитанной запахом роз.

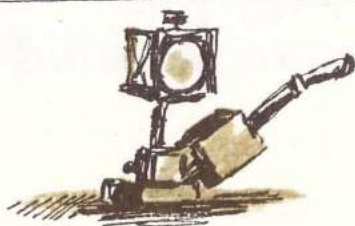
И она сбежала. Она перелезла через ворота, спрыгнула в траву и побежала. Вначале она бежала просто так, не зная куда, и пробежала за час целую милю и достигла реки.

Была ранняя осень. Кошка уселась на берегу, на бугре, и стала смотреть на воду. Созерцание большой воды успокоило ее. А по реке шли баржи, куда-то гнали свои плоты плотогонцы, рыбацкие галоши плавали туда-сюда, и запах рыбы струился по берегам, достигая облаков. Кое-где горели костры, люди варили уху, пекли картошку, и Шамайка внезапно сообразила, куда ей бежать: да, конечно, домой, в трущобы. Она увидела, что вдоль реки идут рельсы железной дороги, и она побежала по этой хоть и железной, но все-таки дороге домой, на помойку.

Так начался не слыханный и не виданный никем в мире бег Шамайки, и никогда прежде она не достигала такой высоты личности, как в этом многомесячном беге. Она пробежала со-

всем немного, как сзади раздался чудовищный рев и за нею погнался черный зверь с красным глазом во лбу. Зверь-громовержец настиг ее, да промахнулся, промчался мимо, и еще много таких зверей догоняло и обгоняло ее, и она быстро поняла, что эти громовики бестолковые, только рычат да грозятся, но никогда не поймают ее, надо только залечь под забор и притаиться.

Она бежала и бежала на юг и ловила по дороге мышей, давила крыс, отбивалась от собак, рылась в отбросах, и лето сменилось осенью, лег на деревья иней, сухая бесснежная зима навалилась на землю, ни на секунду не останавливая ее бега.

Сейчас мне трудно точно сказать, сколько времени она бежала. Но вот что поражает меня: графиня Блонская вместе с сыном дважды уже

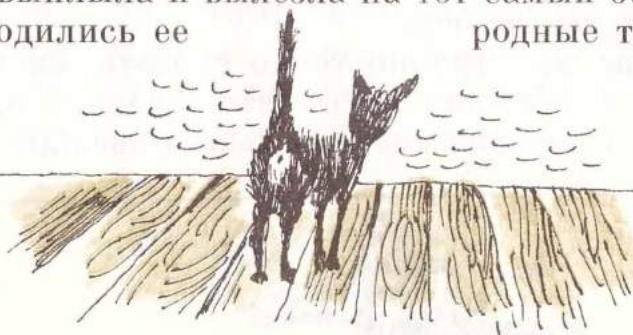

возвращалась с виллы в город и дважды снова провела лето на вилле, уже давно позабыла она про Королевскую Аналостанку и много раз уже промчалась на громовике мимо Шамайки, а та все еще бежит, все еще бежит в старом времени. Эта кошачья теория относительности кружит мне голову и нагоняет печаль.

Однажды — не помню точно, в какое время года, кажется, весной — кошка добралась до огромного моста, который навис над рекою. Она побежала по перилам на другой берег.

Вдруг с противоположного конца ринулся на нее одноглазый громовик. Бестолковое чудовище, конечно, промахнулось, но тут же повертило назад и заревело у нее за спиною. Шамайка бросилась вперед, а впереди-то новый заревел красноглазый зверь. И она не выдержала, прыгнула с моста в неизвестность.

Этот невероятный полет с высочайшего моста в бездну должен был кончиться только одним — точкой. И это была бы достойная точка для нашего рассказа, но кошка вынырнула, выплыла и вылезла на тот самый берег, где находились ее родные трущобы.

Глава 31. Пустырь

И первым делом она попала на пристань, откуда отплыли когда-то в неизвестность ее мамаша Фрида и добрый друг Брэдбери. Она побежала дальше — вот-вот должны были начаться трущобы, но все не начинались, не начинались, и она увидела пустырь, за которым прямо в небо росли огромные белые дома. Это были небоскребы, которые скребли небо так сильно, что слышен был на земле хруст облаков, а пара бульдозеров доскребали, выравнивали пустырь, и кошка увидела, как оранжевый зверь-бульдозер снес остатки дома, в котором была когда-то лавка японца Мали.

— Зажигай! — крикнул кто-то, и два негра облили бензином грудку деревянного лома, и вспыхнули доски и клетки от редких канареек. Огромное пламя и огромный дым заволокли пустырь...

Шамайка долго бродила по новому, ослепительному и чужому городу, и вернулась на пристань, и тут увидела человека, который спал под старой, сгнившей лодкой.

И она прилегла рядом и заснула.

— Ба! Да это Шамайка! Королевская

Аналостанка! — сказал, просыпаясь, японец Мали. — Кис-кис-кис. Я всегда-то чувствовал, что ты — вечная кошка.

Японец стал шарить по карманам, чтоб угостить чем-нибудь Шамайку, да ничего в них не нашел.

— А я, видишь, один остался. Джимми скончался, бедняга, Лиззи ушла, пойдем-ка и мы, — говорил японец. — Посмотрим, как тут люди живут в новом городе.

Он встал и пошел, и кошка пошла за ним.

И долго брели они по ночному сверкающему городу.

— Пойдем, пойдем со мной, моя милая, — приговаривал японец. — Попробуем тебя еще разочек продать.

Литературно-художественное издание

Для среднего школьного возраста

Коваль Юрий Иосифович

ШАМАЙКА

Повесть

Ответственный редактор

Л. Я. ЛИБЕТ

Художественный редактор

А. Б. САПРЫГИНА

Технический редактор

Л. П. КОСТИКОВА

Корректор

Л. В. САВЕЛЬЕВА

ИБ № 11619

Сдано в набор. 07.06.89. Подписано к печати 18.12.89. Формат 70×90¹/₁₆. Бум. офс. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,36. Усл. кр.-отт. 20,48. Уч.-изд. л. 5,8. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2796. Цена 55 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Коваль Ю. И.

К56 Шамайка: Повесть/Худож. Р. Варшамов.— М.: Дет. лит., 1990.— 127 с.: ил.

ISBN 5—08—000943—8

В центре приключенческой повести — жизнь бездомной кошки, ее борьба за существование. Она с честью выходит из многих сложных и даже трагических ситуаций.

К 4803010201—056 217—89
M101(03)-90

ББК 84Р7

